

МАКС САБЛИН

ЧАЛЫН - ДОЧЬ
СНЕЖНЫХ ВЕРШИН

КНИГА I
ЮЖНЫЕ ВЕТРЫ

Макс Саблин

**Чалын – дочь снежных вершин.
Книга 1. Южные ветры**

«Accent Graphics communications»

Саблин М.

Чалын – дочь снежных вершин. Книга 1. Южные ветры /
М. Саблин — «Accent Graphics communications»,

Хан Ойгор увядает и ни один шаман не в силах ему помочь. Чтобы разгадать загадку проклятия и спасти отца, девочка по имени Чалын отправляется в далёкое путешествие по лунно-солнечной земле. Её помощники – верные друзья, путеводитель – любящее сердце. А оно ведёт в миры духов, безвыходные для простых людей. Лишь только там можно найти ответ на самый главный вопрос в жизни Чалын.

© Саблин М.

© Accent Graphics communications

Содержание

Как всё начиналось	7
Глава 1. Красивый край	9
Глава 2. Рождение	10
Глава 3. Хан Боджинг и его Третье Ухо	18
Глава 4. Настырный сосед	24
Глава 5. Лиственное чудище	26
Глава 6. Первая схватка	32
Глава 7. День рождения	38
Глава 8. Обитатель Мёртвого леса	45
Глава 9. Побег из родного аила	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Макс Саблин
Чалын – дочь снежных вершин.
Книга 1. Южные ветры

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Как всё начиналось

К написанию этой сказки я приступил после моего дебюта – романа «Архия – мир, который существует».

Моё странствие в эпоху раннего железного века Алтая началось с удивительной находки новосибирских археологов сделанной в 1993 году на плато Укок (Кош-Агачский район Республики Алтай). В первом кургане могильника Ак-Алаха-3 из заледневшей лиственничной

колоды извлекли мумию молодой женщины. Помимо прекрасно сохранившегося ритуального убранства в могильнике были обнаружены шесть рыжих коней.

Находку отнесли к древней – Пазырыкской культуре (IV–III вв. до н. э.), а сама мумия обрела множество имён. Одни люди называли её Кадын, другие – Очы-Бала, журналисты величали Принцессой Укок и Алтайской княжной, а коренные жители провозгласили Праматерью алтайского народа.

Примечательными стали татуировки на теле умершей – грифоны.

Древнегреческий историк Геродот в трактате о Скифии описывал населяющие Горный Алтай племена как воинственных людей живущих в холодном крае, среди высоких гор, там, где снежные хлопья похожи на перья птиц. С его слов они стерегли золото и могли превращаться в грифов.

Находка меня заинтриговала, и я решил описать быт и нравы людей живших в те далёкие времена. Так у мумии появилось новое имя – Чалын (роса) и история её жизни.

Изо дня в день, удобно расположившись в кресле, с ноутбуком или авторучкой, я путешествовал. Моя любознательная душа странствовала по заснеженным горам Алтая, преодолевала дремучую тайгу, проводила таинственные ритуалы вместе с шаманами, поднималась и опускалась в загадочные миры духов. Я слушал льющиеся из уст сказителей эпические песни и легенды. Я видел нескончаемые странствия кочевников и жизненный уклад осёдлых племён, где каждый человек, будь он воином или пастухом, принадлежал к знати или был простолюдином, бережливо относился к природе и почитал старших. Все они одухотворяли солнце и луну, огонь и воду, родную землю и голубое небо, высказывали благопожелания духам-хозяевам и духам-покровителям, жертвовали им незатейливые дары.

Совсем скоро настало время, когда грань между реальностью и параллельным миром стёрлась. Чем больше я писал, тем труднее мне становилось возвращаться домой. Я едва ли не переселился в далёкую страну древней Азии. Но, к счастью этого не случилось, вы читаете эту запись, а значит, я благополучно закончил своё путешествие и готовлюсь совершить новый скачок во времени или пространстве.

Но, прежде чем снова отправиться в путь, я перечислю тех людей, кто помог мне донести до вас вот эту удивительную историю.

На начальном этапе организационную поддержку оказывали: Галина Кубрина (Управление Алтайского края по культуре и архивному делу) и Владимир Иванов. На протяжении всей работы над книгой неоценимую информационную помощь оказывал Василий Ойношев – кандидат филологических наук, директор агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай. Разрешению некоторых вопросов способствовали: Светлана Урбанова – сотрудница этого же агентства; Александр Базайченко – археолог, кандидат исторических наук; Кулер Тепуков – главный редактор детского журнала «Солоны» (г. Горно-Алтайск); Сергей Бахрамаев – проповедник буддизма на Алтае; Валерий Куницын – поэт, член Союза писателей России и Антон Кузнецов – архитектор, исследователь фольклора Горного Алтая. Дизайном и художественным оформлением занималась Анастасия Дорохова. Иллюстрировал книгу художник Вадим Калинин и Ольга Шумахер. Первичное редактирование текста осуществляла Маргарита Ненашева – филолог.

Всем этим людям я выражаю огромную признательность за оказанную помощь!

Пожалуй, мне пора заканчивать. Думаю, вам уже не терпится пуститься в странствие. Если это так – тогда в путь! История начинается.

Глава 1. Красивый край

В далёкие-предалёкие времена, в горной стране Уралтай, в том месте, где высокие хребты сверкают тысячетными ледниками, а их крутые склоны покрывает дремучая тайга, где свои нравные реки омывают водами подножия каменных утёсов-великанов, в сказочно красивой долине, устланной редкостными цветами, устав от кочевой жизни, обосновалось небольшое племя. Его переносные жилища сменились срубными аилами¹, сочные луга превратились в пастбища, на холмах задымили первые глинобитные печи. Своему поселению люди дали название Яраш-Дьер, что означало «красивый край».

Природа здесь была богата и щедра. Она даровала людям пищу, одевала их и вдохновляла к жизни своей красотой. И вскоре к этому племени стали присоединяться разрозненные семьи и одинокие скитальцы. Аил разрастался, а вместе с этим расходились о нём и его хозяине добрые слухи: мол, ойгорский народ под предводительством молодого бая Ойгора² хорошо там живёт. Его все уважают. У него сердце не каменное, голова не ветренная. Он справедливый, честный, каждому свой налог определяет. Бедного не принижает, богатого не возвышает. С иноземцами дела знает: пушнину да украшения на ткани яркие меняет.

Как говорили, так оно и было. В то время все свободные племена платили откупную дань Санжару³ – верховному правителю Уралтая. И народ Яраш-Дьер не был исключением. Раз в три месяца бай Ойгор собирал налог со своего племени – ровно половину того, что надо было отдать. Недостающую часть он брал из казны, однако при этом она никогда не истощалась.

Мудрость молодого бая не позволяла его народу разориться, напротив, она помогала преумножать его богатства. Добрый человек за них сердцем радовался, злой завидовал, грязной бранью распыхлялся.

Шло время. Яраш-Дьер притягивал кочевников с разных концов горной страны. Берега рек обживались людьми, межгорные луга превращались в пастбища. Для защиты от врагов разрозненные племена объединялись. Возникло новое ханство, центром которого стал Яраш-Дьер, а ханом – Ойгор.

¹ Аил – у алтайцев в прошлом посёлок кочевого или полукочевого типа, в котором проживали родственники различных степеней. Также аилом называлось и отдельное жилище (юрта или шалаш) с усадьбой.

² Ойгор – мудрый.

³ Санжар – пронизывающий.

Глава 2. Рождение

Возвращаясь из очередного похода, хан и его усталое войско сделали привал в попутном аиле. Утолив голод, накормив коней, воины Ойгора вместе с местными жителями собрались на берегу большого холодного озера, кристальные воды которого в безветренную погоду отражают заснеженные вершины угрюмых гор. Здесь, под открытым небом, люди часто устраивали соревнования по борьбе кюрёш. Захватывающие поединки удальцов могли длиться часами до выявления абсолютного победителя.

Негромко переговариваясь друг с другом, мужчины, юноши и старики неторопливо занимали свободные места вокруг вытоптанного участка земли, границы которого определяла пожелтевшая от солнца трава. Одни садились на землю, другие оставались стоять. И лишь суетливые мальчишки, в предвкушении чего-то необычного, сновали среди взрослых не находя себе покоя.

Среди простого люда уж больно выделялся один человек – рослый мужчина с сединою на висках, густыми бровями, прямым удлинённым носом и крепкими, явно выраженными скулами. В отличие от остальных, позволяющих себе перекинуться шуткой, он был сдержан и очень серьёзен. Да и роскошный наряд: от красных кожаных сапог, украшенных бархатом и позолотой, до пёстрой меховой шапки, пошитой из соболя и лисицы, выделял его из общей массы. Это был Ойгор.

Хан восседал на бурой медвежьей шкуре, выделанной местными умельцами. Их кропотливый труд сохранил грозный облик хищника и после смерти: острые изогнутые когти, застывший оскал и немеркнувший блеск жизни в тёмно-серых, маленьких, как бусинки, кремниевых глазах. По правую руку от Ойгора сидел мальчишка лет тринадцати. Богатая одежда на нём отличалась от той, что была на его сверстниках. Во внешности мальчика просматривались тонкие черты сходства с самим ханом, и неспроста, ведь в жилах мальчика текла благородная кровь правителя. Сына Ойгора звали Амаду⁴. С детства он старался быть вместе с отцом и для своего юного возраста уже многому научился. Амаду метко стрелял из лука, точно кидал копьё, умело владел кинжалом и мечом, неплохо справлялся с чеканом⁵. Однако он ещё никогда не бывал в настоящих сражениях, потому как хан оберегал его – своего кровного наследника.

Когда солнце отбросило тени от седых гор, указав на окончание полдня, началось самое интересное. В центр круга демонстративно вышел коренастый парень. Он расстегнул деревянную пряжку кожаного ремня, небрежно бросил его на землю, затем резким движением скинул с себя короткую овчинную шубу и окинул толпу вызывающим взглядом. Все затихли, и даже беспокойные мальчишки замерли в ожидании.

Вызов принял чернявый парень. Неспешным шагом он выдвинулся навстречу кряжистому бойцу. Смельчак был чуть повыше своего соперника, но слегка уступал ему в плечах. Его мощный торс прикрывала одна лишь рубаха. Он заранее готовился к соревнованию, ждал его, и даже угадал, с кем придётся помериться силами.

Завязалась борьба. Соперники хватали друг друга за руки, за ноги, перебрасывали через себя, ставили подножки. Множество раз они оказывались на земле, поочерёдно одолевая друг друга, затем поднимались, расходились по сторонам и снова вступали в схватку. Это был удивительный поединок равных по силе и воле противников.

Заведённая толпа не умолкала. Крики раздавались с разных сторон. И стар и млад – здесь все разделились на два лагеря, и каждого волновал один лишь вопрос: «Кто же победит?»

⁴ Амаду – цель, мечта, стремление.

⁵ Чекан – боевой топор.

Обжигающими каплями по багровым лицам борцов бежал пот, волосы на головах слиплись, а полотняные рубахи превратились в грязные изодранные тряпки. Борьба продолжалась. Борцы прижались друг к другу щеками. Один из них налёг широким лбом на плечо противника, тот же, подняв голову, попытался вытянуть соперника на себя. Но силы не бесконечны, оба сильно устали и уже не могли показать своё мастерство в полной мере. Перетаптываясь на одном месте, борцы еле держались на ногах, однако никто из них даже и не думал сдаваться.

Золотое солнце ленилось с закатом. Прикоснувшись к высоким горам, оно озарило их серые склоны янтарными лучами и остановилось. Уже унылая луна показалась на небе, а дневному светилу всё было нипочём. Казалось, даже ему любопытно, чем же закончится поединок.

Толпа не утихала. Лишь только хан и его окружение спокойно наблюдали за всем свысока. Приближённые Ойгора молчали, но и в них кипела кровь воинов. Они смотрели и наслаждались борьбой, восхищались и гордились могучими сыновьями Уралтая.

Этот бой был не просто поединком, а хорошей тренировкой и отличным способом проявить себя перед ханом, показать свою удасть и силу. Ведь самых лучших борцов кюреш Ойгор забирал в своё войско. Хан щедро вознаграждал воинов, одевал их, а народ воздавал им почести. Но не это привлекало людей в ряды славной воинской братии. И стар и млад считал за честь защищать свой род, своё племя и собственную землю.

По левую сторону от хана стоял старейшина местного племени – пожилой мужчина с седой бородой. Хан повернул к нему голову, поймал ответный взгляд, показал два пальца и сразу же кивнул, тем самым давая понять, что оба этих воина заслужили его уважение и поэтому он забирает их.

Поняв знак, зайсан⁶ незамедлительно отправил ближайшего к себе соплеменника разнимать борцов. Им оказался невысокий темнокожий человек с торчащим клоком грязных слипшихся волос на голове. Он был ленивым и неряшливым, что подчёркивала его далеко несвежая одежда. В его маленьких, чёрных, как уголь, глазках просматривалась грусть. Горемыка мечтал ничего не делать, но при этом жить в полном достатке. Судя по его кислой физиономии, напоминавшей луковицу, это не получалось. Он постоянно был чем-то недоволен и даже не скрывал своей извечной досады. Да и звали его так же, как и растение с острым вкусом, – Согоно⁷.

– Воины храбрые, сильные, вы, словно две скалы, крепки и хмуры, будто тучи! – хвалил борцов Согоно, вместе с тем пытаясь их разнять. – Хану сила ваша нужна. Тебя и тебя он к себе заберёт...

Ухватившись за их крепкие руки, он изо всех сил старался вклиниться между упрямыми, но это ему не удавалось. Согоно болтался вместе с ними из стороны в сторону, чем смешил собравшихся.

⁶ Зайсан – глава (старейшина) рода или племени, избираемый соплеменниками.

⁷ Согоно – лук (растение).

– Ха-ха-ха-ха! – раздавался хохот с разных сторон.

– Эй, Согоно, да ты, я вижу, и сам их обоих наземь положишь! – выкрикнул кто-то из толпы.

– Ха-ха-ха-ха! – громче прежнего смеялись люди.

Вот только пыхтевший Согоно совсем не веселился, а усердно пытался остановить борцов, но все его усилия были тщетны, отчего он злился и хмурил брови.

Народ уже стал успокаиваться, как вдруг из толпы выскочил удалой мальчуган с бочонком в руках, и, недолго думая, разом окатил всех троих студёной водой. Это был самый лучший способ охладить их пыл. Соперники тут же разошлись по сторонам. Теперь у них не осталось сил даже для того, чтобы выпрямиться. Ссутулившись, как старики, тяжело дыша, они устало смотрели друг другу в глаза, а между ними стоял насквозь промокший Согоно. У него перехватило дыхание, он не мог ничего понять и лишь разводил руками, растерянно оглядываясь по сторонам. И вновь толпа взорвалась от смеха. На этот раз не сдержался и хан, он отклонился назад и его лицо озарилось улыбкой.

Наконец, один из борцов сделал первый шаг к сопернику, тот подался навстречу и они дружески обнялись, поскольку это были соревнования сильных мужчин, после которых бывшие противники часто оставались друзьями.

Поединок закончился, но люди не умолкали. Одни делились впечатлениями, другие давали свои наставления, ну а мальчишки – те, в свою очередь, всё ещё посмеивались над Согоно.

Среди суетливого народа сильно выделялся рослый юноша с выступающими скулами, широким подбородком и телом, сравнимым со скалой. В отличие от остальных, он равнодушно наблюдал за происходящим, и взор хана не миновал его.

– Кто этот кезер⁸? – указав на здоровяка, спросил у зайсана Ойгор. – Отчего он не борется?

– Это Кыркижи⁹, – слегка наклонившись, ответил старейшина племени. – Не очень умён, зато по силе ему среди нас нет равных. Он это знает, а потому и не выходит.

– Силач-гора?

– Да, да, именно так. Наши люди вон с той скалой его сравнивают, – старик кивнул на серый утёс напротив.

– Значит, человек-гора.

– Да, хан, человек-гора. Так его мальчишки зовут.

Глаза Ойгора загорелись. Поднявшись величаво с места, он отвязал кожаные ножны с вложенным в них мечом и передал сыну. Затем снял массивный пояс, усыпанный серебряными да золотыми бляхами, отображающими все его заслуги и подвиги, аккуратно положил на шкуру. Сбросил боевой ремень, увешанный оставшимся оружием: чеканом и бронзовым кинжалом. Распахнул пёструю шубу.

Уразумев намерения хана, зайсан немедля попытался отговорить его от неудачной, как ему показалось, затеи.

– Ойгор-хан! – приблизившись к хану, принялся нашёптывать старик. – Кыркижи руками голыми сарлыков¹⁰ упрямых за рога в стойло затаскивает. Неподъёмные камни с места сдвигает. Горы высокие без отдыха покоряет...

Грозным взглядом Ойгор остепенил зайсана. В тот момент стихла и толпа. Всё внимание обратилось на хана. Он скинул шубу и вышел в круг.

Кыркижи стоял позади всех. Перед ним сновали маленькие фигурки знакомых ему людей, самые высокие из которых едва достигали его могучей груди. Ни в одном из них он не

⁸ Кезёр – воин, силач.

⁹ Кыркижи – силач-гора, человек-гора.

¹⁰ Сарлык – дикий як.

видел достойного себе соперника. Кыркижи ждал вызова от чужаков, от тех, кто явился сюда издалека, среди них встречались силачи подобные ему, с богатырской удалью, и он готов был помериться силами с любым из них. Но вот только не с тем, кто вышел на середину круга. И человек-гора растерялся. Для него хан Ойгор был особенным человеком – справедливым правителем и храбрым воином, о героических подвигах которого кайчы¹¹ слагали стихи и сочиняли песни. Сказания о нём он слышал с самого детства. Ещё мальчишкой Кыркижи восхищался ханом и сам хотел стать таким же сильным и бесстрашным. Однако сейчас хан Ойгор будто подавлял его волю пристальным взглядом, и богатырь ощущал себя маленьким и беззащитным, хотя на деле это было далеко не так.

Народ расступился, уступив дорогу избраннику, и тот, нехотя сняв шубу, вышел в круг.

Соперники долго присматривались друг к другу, выгадывая наилучший момент для атаки. Первым свою ловкость проявил Ойгор. Он ухватил Кыркижи за шею, на что тот попытался ответить тем же, но оплошал. Хан тут же отпустил его, увернувшись от захвата, а затем снова схватил за шею и резко дёрнул на себя, изловчившись при этом на подножку. Выставив

¹¹ Кайчы (кайчи) – сказитель, певец.

руки перед собой, Кыркижи непроизвольно подался вперёд и после нескольких шагов с выпученными от удивления глазами упал на колени.

Толпа зашевелилась. Люди кивали, перешёптывались и объяснялись знаками.

Кыркижи поднялся на ноги и снова изготовился к схватке. Он всё ещё не мог позволить себе первым вступить в бой и поэтому смиренно ждал очередной атаки соперника. Долго ожидать не пришлось. Как и в прошлый раз, хан проявил сноровку. Он попытался вытянуть противника на себя и снова свалить его с ног подсечкой, однако на этот раз крепко увяз в могучих руках Кыркижи. Ойгор ощутил невероятную силу своего противника, но тот даже и не помышлял о победе, и именно поэтому ослабил хватку. Поняв в чем дело, хан чуть слышно предупредил богатыря:

– Будешь мне и дальше поддаваться, я тебя накажу. Здесь и сейчас мы с тобой равны.

Эти слова послужили толчком к действию. Кыркижи обхватил Ойгора за пояс, без труда оторвал от земли и положил на лопатки, придавив сверху своей массой.

И снова все замерли в тишине. Человек-гора отпустил хана и, привстав на колени, протянул ему руку. Громко рассмеявшись, тот принял помощь победителя и, оказавшись на ногах, удовлетворённо похлопал богатыря по плечу.

– Алып¹²! Настоящий алып! – не скрывал восторга Ойгор.

Народ снова ожил. Старики кивали в ответ хану, молодые с восхищением переговаривались, а заводные мальчишки, подражая взрослым, устроили собственную борьбу, путаясь у их ног.

Закат прошёл, дохнул прохладой свежий вечер, наступали сумерки. Люди уже расходились, как вдруг высоко в небе громко прокричала тёмно-бурая птица. Хан Ойгор, как и все остальные, поднял голову и разглядел в потускневшей синеве длиннокрылого беркута. Он грациозно описал круг, зашёл на второй и издал звонкий клёкот:

– Кьяк-кьяк-кьяк!

– Ха-ха-ха-ха! – обрадовался хан Ойгор. – Мюркют добрую весть мне на крыльях принёс: дочь у меня родилась!

В те далёкие времена люди могли понимать язык зверей и птиц, умели разговаривать с ними. Однако всё же мало кто из человеческого рода обладал таким даром с рождения. В основном это были шаманы. Они получали в наследство от предков сокровенные знания естества и, в свою очередь, передавали их избранным – только искренне верящим в себя и в свои возможности. Хан Ойгор был одним из тех немногих, кто постиг язык животных.

– Дочь у меня родилась! – торжествующим криком огласил он долину.

Хан огляделся по сторонам в поисках сына, хотя тот всё это время находился рядом, слева от него, приотстав всего-то на полшага. Увидев Амаду, Ойгор обнял его и повторил радостную новость:

– Амаду, у тебя теперь сестра есть!

Глаза мальчишки засияли от радости, и он улыбнулся.

Недолго думая, Ойгор оседлал справногo огненно-рыжего жеребца и, прихватив с собой двух верных провожатых на гнeдых скакунах, отправился в путь. Оставшихся воинов хан доверил сыну. Амаду сам попросил его об этом, он считал себя достаточно взрослым для того, чтобы возглавить войско, да и отец полностью разделял мнение сына.

Кони, не зная усталости, скакали сутки напролёт, в темноте освещал им дорогу звёздный небосвод, а днём спасал от зноя свежий, нагонявший облака ветер. Лишь только на вторую ночь хан со спутниками сделали привал: накормили коней, утолили голод сами, отдохнули, и едва наступило холодное пасмурное утро, они уже снова были в пути. Весь день не прекращался унылый дождь, однако и он не стал преградой на пути всадников. Наконец, поздним вечером,

¹² Алып – богатырь.

когда ночь ещё не наступила, но было уже слишком темно, чтобы передвигаться дальше, хан и его воины остановились. Они прибыли в Яраш-Дьер.

Отпустив спутников восвояси, Ойгор отправился дальше один. Он проехал мимо множества разбросанных друг от друга жилищ, пока не встретил на своём пути многоугольный аил, тот, что отличался своими размерами от других, себе подобных. В темноте он походил на огромный мокрый камень, по которому струились потоки дождевой воды.

– Бр-р! – остановил скакуна хан.

Как будто предчувствуя несчастье, конь беспокойно топтался на месте, тряс гривой, закидывая вверх голову, бил копытом, разбрызгивая собравшуюся под ногами лужу. Ойгор спрыгнул на землю, привязал своего верного друга к коновязи и поспешил войти в аил. Озябшей рукой он приоткрыл войлок, прикрывающий эжик¹³, снял промокшую насквозь шапку и переполненный чувством радости вступил внутрь.

В полумраке, возле очага, сидела на коленях немолодая женщина с видневшимися из-под шапки седыми растрёпанными волосами. Отсвет раскалённых углей придавал её лицу ярко-красный оттенок. Не сказав ни единого слова, она подкинула немного хвороста в очаг и только тогда обратила своё внимание на хана. Сухие сучья задымили, серый дым плотной струёй устремился к тююку¹⁴. Искорёженные ветки вспыхнули, разгорелись, но огонь едва рассеял темноту своим тёплым светом.

Всё время, проведённое в пути, счастливый хан Ойгор думал о своих близких и представлял, как обрадуются они его появлению. Однако, вопреки всем ожиданиям, хан увидел угрюмые лица встречавших его людей. Здесь не было праздника, в этом месте не лились величальные песни, языками огонь в очаге не играл, и всё говорило о том, что сюда пришло горе.

Сквозь полумрак хан осмотрел всех присутствующих. На войлочном настиле пола, по левую от него сторону сидели мужчины, по правую – женщины. Что те, что другие молчали, на их лицах читалась скорбь. Лишь только малышка в деревянной подвесной колыбели улыбалась чему-то во сне. Среди этих людей хан не увидел своей супруги Ойрош. Он понял: подарив ему дитя, она покинула этот мир.

Глаза Ойгора наполнились слезами, он хотел рыдать от горя, но не мог себе этого позволить. Что было силы, сжал хан в глубокой печали шапку, слезами скорби из неё полилась вода. Другой рукой он грубо стер с лица дождевые капли и подошёл к люльке, над которой висел оберег – маленький лук, отпугивающий недоброжелателей из мира духов. Хан с умилением смотрел на дочь. Она крепко спала и не думала просыпаться. Ойгор наклонился и нежно прикоснулся губами к её пухленькой румяной щёчке. Приоткрыв глазки, малышка попыталась осознать, что происходит, но, разглядев лишь мутный незнакомый силуэт, закричала, потом широко зевнула и снова погрузилась в сон.

В этот момент к хану подошла седоволосая женщина, та, что поддерживала огонь в очаге. Это была Адаана¹⁵ – потомственная шаманка, покровительница рода Ойгора, защитница от злых духов. Именно она отправила своего крылатого помощника известить хана о рождении дочери.

– Эзен¹⁶, Ойгор-хан, – тихо поприветствовала его женщина.

Повернув к Адаане голову, хан молча кивнул ей в ответ. Ойгор узнал шаманку, однако был сильно удивлён её изменившейся внешностью. За столь короткий срок она из зрелой женщины превратилась в старуху.

– Адаана, кто годы твои украл? – спросил хан.

¹³ Эжик – вход в жилище, дверь.

¹⁴ Тююк – отверстие вверху юрты для выхода дыма.

¹⁵ Адаана (алт. адаан) – заступничество, защита.

¹⁶ Эзен, эрмен – алтайское приветствие – здравствуй, здравствуй.

– Ребёнок прежде времени на свет появился, – начала свой рассказ шаманка. – Он не готов был родиться, не ждала его так рано и мать. Дыхание младенца обрывалось. Ойрош тоже было тяжело, много сил она потеряла. Ойрош о помощи меня попросила. Помощники мои, духи, привели меня к Матерь-Умай¹⁷, и она рассказала, что дьула младенца похищен злым духом, в подземном мире его надо искать. Дождавшись ночи, я в мандьак¹⁸ облачилась, бубен чёрный достала. Сарлыков самых крупных, ат¹⁹ быстроногих, кой²⁰ длинношерстных в жертву отдала. В тёмное царство спустилась, девять рек преодолела, тех, что сливаясь, образуют слёзную реку. По тонкому мосту из конского волоса во дворец властелина Эрлика²¹ попала и его самого там нашла. С удовольствием он принял все жертвы животных и выслушал меня до конца, а потом хан чёрный одному из своих сыновей наказал найти того духа, что двойника младенца похитил. После этого владыка «подземной земли» отпустил меня и пообещал вернуть ребёнку дьула, но только взамен жизни его самого близкого человека. Об этом я Ойрош рассказала, и она своё согласие дала.

Шаманка замолчала.

– Ты правильно сделала, Адаана, – дал свой ответ Ойгор.

– Её сюне²² сейчас здесь, – продолжила женщина, – Ойрош с нами прощается, в мир предков готовится уйти.

В этот момент Ойгор почувствовал лёгкое прикосновение. От виска по щеке сходило нежное тепло. Закрыв глаза, хан представил, как любимая ласкает его своей рукой. На самом деле всё так и было, это видела Адаана. Двойник Ойрош стоял напротив Ойгора и, улыбаясь, гладил его лицо прозрачной рукой. Затем Ойрош прикоснулась к улыбнувшейся ей малышке и растворилась бесцветной дымкой. Опустившись к очагу, пелена закружилась вихрем, подняла искры над языками пламени и, смешавшись с дымом, вылетела в тюнюк.

– Она прекрасна, как капли росы на цветке в пору утренней прохлады, – сказал хан, глядя на дочь. – Я назову её Чалын²³.

¹⁷ Умай – женское небесное божество. До свободного общения с окружающими ребенок находится под присмотром поводыря Матерь-Умай, а потом под опекой своего двойника (дьула).

¹⁸ Мандьак – ритуальная одежда шамана (кама).

¹⁹ Ат – лошадь, конь.

²⁰ Кой – овца.

²¹ Эрлик – владыка подземного мира.

²² Сюне – двойник (душа), вышедший из тела умершего человека.

²³ Чалын – роса.

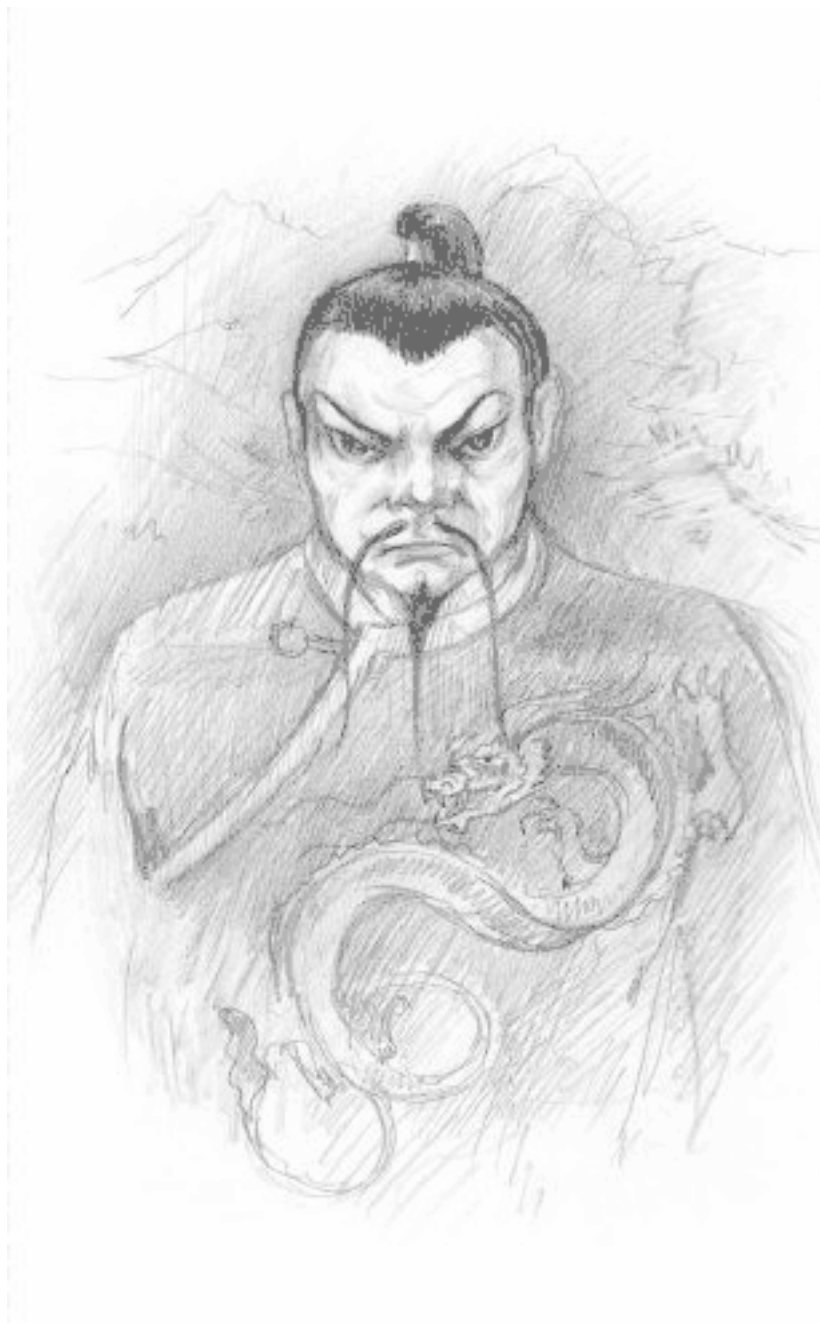
Глава 3. Хан Боджинг и его Третье Ухо

Эхо доброй вести о рождении Чалын разлетелось по всему Ойгорскому ханству. О малышке шептали деревья, журчали быстрые воды, шумели ветра и говорили люди. Донеслась эта новость и до Боджингского ханства.

Про самого хана Боджинга ходила дурная слава. Он слыл жадным, безжалостным правителем, и ждали от него одной лишь беды. От бесчинств Боджинга и его воинов страдали соседние ханства, мирные жители вольных племён и чужеземные купцы: их караваны грабили, а сами торговцы уже никогда не возвращались на родину.

В очередной раз тонокчы²⁴ Боджинга разорили несколько аилов свободного племени и ограбили иноземный караван. После этого упоённые удачей возвращались домой. Преодолев очередной перевал, они разбили лагерь у верховья быстротечной реки. На голых камнях выросли невысокие конические юрты, разгорелись постовые огни.

²⁴ Тонокчы (тонокчи) – разбойник, грабитель.

В одной из этих войлочных юрт на дорогом ворсовом ковре восседал невысокий человек с золотой чашей в руках. Его густые чёрные волосы были уложены в тугие пучки на темени. Широкие плечи облегал жёлтый, украшенный позолотой шёлковый халат с широкими рукавами. Талию опоясывал зелёный кусок ткани, закреплённый красным кожаным поясом, на котором находились только самые необходимые для похода предметы: огниво, кольцо для стрельбы из лука, плетёная корзина и кинжал в изогнутых ножнах, украшенных извивающимся золотым драконом с рубиновыми глазами. А ещё, сзади, на поясе висели шуу – цветные шнуры с нефритовыми украшениями, связанными в сетку, и костяная игла для распутывания памятных узлов. Меч лежал в стороне.

Это был сам хан Боджинг. Его пальцы украшали дорогие кольца с переливающимися камнями, а на крепкой, смуглой от солнца шее висел большой серебряный медальон на плетённой коже. На нём был изображён страшный зверь с тонкими когтистыми лапами, острыми клыками и заострёнными мохнатыми ушами. Во внешности хана было какое-то сходство с этим загадочным существом. Лицо Боджинга показывало всё потаённое зло его внутреннего мира.

Хана Боджинга боялись многие: враги, простые люди и даже те, кто был с ним заодно или же попросту находился под его покровительством. Хан сидел, скрестив ноги. Прищурился, раскосые глаза, он смаковал эфир заваренных трав и внимательно слушал старца в светлой овчинной шубе. Тот усердно жестикулировал руками и палочкой вырисовывал на узорчатом ковре героев своего рассказа. Это был новый кайчы хана Боджинга. Вид у него был изнурённый, сказывался долгий переход через горный хребет. Однако человек с седой бородкой, прикрывающей впалые щёки, не показывал свою усталость и продолжал увлечённо рассказывать про Дельбегеня.

В очаге плясало пламя, его блики зловеще отражались в куче драгоценностей из золота, бронзы и серебра. Здесь, напротив хана, по правую сторону от кайчы, находились все награбленные в походе украшения. Боджинг всегда осматривал свои трофеи, с жадностью перебирая их по несколько раз. Из того, что было, он выбирал самое лучшее, а остальное раздавал своим подданным. Однако в этот раз он решил повременить со своим любимым занятием.

Хан поднёс чашу ко рту, сделал громкий глоток, причмокнул от удовольствия и вдруг замер. Его чёрные глаза засверкали, рука дёрнулась к кинжалу, но, не дотянувшись до него, замерла. Хан Боджинг напоминал хищника, внезапно увидевшего добычу. Злобными прищуренными глазами он наблюдал задвигающимся под ковром, возле его сокровищ, бугорком.

Увлёкшийся сказанием кайчы даже не заметил присутствия постороннего в юрте, а вот гнев хана он увидел сразу. Приняв ярость слушателя в свой адрес, сказитель от испуга сбился и, заикаясь, немедля принялся оправдываться:

– Я-я-я. Так и было. Д-да, да, да...

Кайчы с трудом проглотил слюну и, замотав головой, снова продолжил:

– Нет, нет, Дельбегень Луну не проглотил...

Рассказчик не мог понять, чем же разгневал хана, ведь сказание о ненасытном чудовище он знал очень хорошо. Старец поведал Боджингу про ужасного семиглавого Дельбегеня, пожирающего людей. Про то, как солнце и луна решили с ним расправиться, и как ночное светило, тайком опустившись на землю, схватило-таки людоеда и потащило с собой. И продолжил тем, что Дельбегень, сопротивляясь, ухватился за ветвистое дерево, но это ему не помогло, и он вместе с ним оказался на небе. Рассказал, что с тех пор на луне появились тёмные пятна, и они – это не что иное, как силуэт чудовища, которое держит дерево, вырванное с корнями. Но когда кайчы ставил точку в рассказе, сообщая о том, что во время лунного затмения люди создавали шум, криком вызывали лай собак, чтобы не дать Дельбегеню проглотить луну, хан Боджинг вдруг рассвирепел. Отчего?

«На пятнах надо было остановиться», – мелькнула мысль в голове сказителя.

Едва успел он об этом подумать, как Боджинг выхватил кинжал и метнул его в сторону кайчы. Обомлев, старик потерял дар речи. Но на его счастье сверкнувший клинок пролетел мимо и воткнулся точно перед бугром на ковре.

– Что застыл, как истукан? Помоги ему, ковёр разрежь! – грубо распорядился хан.

Вздыхнув с облегчением, сказитель развернулся, вытащил кинжал и увеличил разрез. Из дыры показалась продолговатая барсучья морда. Поводив полосатым носом, пошевелив усами, зверь вылез наружу и встал на задние лапы.

– Давай, – прохрипел хан Боджинг. – Рассказывай.

Барсук посмотрел в сторону кайчы, тем самым давая знать, что не желает говорить при посторонних.

Боджинг поставил чашу с напитком перед собой, перевёл взгляд на сказителя, затем кивнул в сторону драгоценностей и с пренебрежением произнёс:

– Что пожелаешь, себе возьми.

От неуважительного отношения к себе кайчы растерялся. Ещё ни один человек не был с ним так груб. Его, владеющего каем²⁵, получившего дар свыше, обычно все почитали. Он мог изливать легенды часами, и при этом никто не позволял себе перебивать его, не говоря уже о тех вольностях, что позволял себе Боджинг.

– Ну? – прорычал хан.

Недолго выбирая, кайчы схватил первую попавшуюся золотую фигурку оленя и, бормоча благодарности, поспешил покинуть это пренеприятное место.

Золотом заинтересовался барсук. В предвкушении награды он гладил чаши, трогал бляхи, рассматривал украшения. Самоволье зверя разозлило хана. Выхватив из-за пояса плеть, он в мгновение ока занёс её над головой и хлестнул наглеца. Кнут глухо прошёлся по хребту, сбив пыль с грубой шерсти. С визгом отпрянув от сокровищ, барсук потянулся лапами к спине, но его трясущиеся коротышки едва доставали боков, а жжение только усиливалось.

Боджинг снова ударил плетью, и её конец обвился вокруг толстой шеи несчастного. Хан натянул кнут.

– А-а-а-х-х-х!.. – захрипел бедняга, пытаясь скинуть губительную петлю. И вновь надежда на собственные лапы оказалась тщетной, они были слишком коротки, чтобы освободиться.

– Ха-ха-ха! – злобно рассмеялся Боджинг.

Массивное туловище барсука вдруг начало вытягиваться до невероятных размеров. Превращаясь в руки и ноги, лапы становились длиннее, грубая шерсть пряталась в корни, оголяя смуглую кожу, хвост делался короче. Быстро сжимаясь, морда зверя приобретала черты человеческого лица. А когда преобразование закончилось, перед ханом на войлочном ковре лежал голый человек. Тёмные волосы на его голове стояли дыбом, растрёпанная борода торчала в разные стороны, а широкие густые брови срастались на переносице. Обеими руками человек-барсук схватился за кнут и освободился от удушающей петли.

– Кха-кха! Кха-кха! – закашлялся он, потирая шею.

– Ха-ха-ха! – снова рассмеялся хан. – Учинчи Кулак, ты забыл, к кому пришёл?

Своё прозвище – Третье Ухо – человек-барсук получил от хана Боджинга. Учинчи Кулак был его тайным осведомителем. Он исправно приносил ему свежие новости и получал за это награду.

– Хан Боджинг! Нет, нет, вовсе нет. Кха-кха!

Учинчи Кулак поднялся на колени и затрясся от холода. Привыкнув к тёплой звериной шкуре, он уже давно не превращался в человека, и сейчас ему приходилось мириться со своей участью оказаться нагим не по собственной воле. Дыхание человека-барсука прерывалось, голова тряслась. Обхватив себя руками, он принялся потирать плечи.

– А теперь тебе они нужны? – указав плетью на драгоценности, спросил хан.

– Н-н-нет.

Учинчи Кулак с жадностью посмотрел на другую кучу, с мехами. В ней, среди звериных шкурок, лежали дорогие шубы и шапки, а эти вещи могли бы его согреть.

– Возьми! – дал разрешение Боджинг.

Учинчи Кулак подполз на коленях к мехам, быстро перебрал их, и, выбрав самую богатую шубу из горностая, потянул её за рукав.

– Э-э-э! – раздался возмущённый оклик Боджинга.

Услышав хозяина, Учинчи Кулак убрал шубу в сторону с притворным видом, как будто изначально собирался сделать это сам, без порицания хана. Человек-барсук вытащил другую – лисью шубу. Она оказалась самой простой и к тому же старой. Ко всему прочему, её правый

²⁵ Кай – горловое пение жителей Алтая.

рукав был заметно длиннее левого. Без особого удовольствия Учинчи Кулак накинул её на себя и затих.

Хан вальяжно прилёг на бок, неторопливо поднял чашу с поостывшим отваром из трав и приготовился слушать.

– Буура²⁶ ведущего шаг я слышал сегодня, а за ним и топот всего каравана, – заговорил Учинчи Кулак.

– Как далеко они идут?

– Тихим ходом путь в два дня вас с ними разделяет. Шаг их тяжёлый, груза много.

Боджинг призадумался.

– Что ещё?

– У Ойгор-хана дочь родилась.

– Хорошо, – ответил Боджинг.

– Да, да, Боджинг-хан, дети – это хорошо.

Учинчи Кулак замолчал.

Хан взглянул на чашу, сделал из неё глоток и снова обратил свой взор на человека-барсука. Учинчи Кулак что-то не договаривал. Почёсывая голову, он пребывал в раздумьях. Его взгляд устремился в пол.

– Всё? – спросил хан.

Учинчи Кулак встрепенулся.

– Боджинг-хан, за плохую весть меня простите.

– Что там у тебя? – прорычал Боджинг.

– Племя ваше, то, что соседствует с ханством Ойгорским, к Ойгор-хану ушло.

– Нурцы?! Ха! Пусть убираются, мне они не нужны.

– Нет-нет, Боджинг-хан. Жить они там же остались, в Долине семи водопадов. Вот только от вас отrekliсь, – тихим, дрожащим голосом закончил Учинчи Кулак.

– Что? – возмутился Боджинг.

Хан нахмурил брови, его лицо исказилось, глаза налились кровью.

– Долина семи водопадов моя! – процедил он сквозь зубы.

Всё дело в том, что землю, заселённую вольными племенами, хан Боджинг считал своей, а потому не собирался разделять её с чужаками. Но на самом-то деле Долина семи водопадов ему не принадлежала точно так же, как не принадлежала она и нурцам. Земля Уралтая была едина для всех. Любое племя могло свободно кочевать и каждый раз выбирать себе новое место для жизни. Так было и с нурцами. Изначально их род расселился в Долине семи водопадов, а уж потом, во времена правления отца Боджинга, присоединился к ханству. Со временем власть от отца перешла по наследству к сыну, и ханом стал Боджинг. Он постоянно увеличивал дань нурцам, что возмущало народ. Однако, зная буйный нрав своего правителя, люди терпели его, они боялись мести. Наконец, племя решилось на отчаянный шаг и перешло в подданство Ойгорского ханства.

«Ойгор-хан – кезер храбрый, умный. Его так просто не возьмёшь», – подумал Боджинг.

Приняв мудрое решение, поостывший хан перевел хитрый взгляд на сокровища и распорядился:

– Ойгора с рождением дочери поздравить. Ему подарки от меня привезёшь. Всё, что здесь видишь, отдашь и столько же пообещаешь. Мне нурцы не нужны, я свободу им дарю.

– А земли? – нерешительно спросил человек-барсук.

– Что? – возмутился хан.

– Их он отдаст? – замявшись, продолжил Учинчи Кулак.

²⁶ Буура – верблюд.

– Ойгору не нужна со мной ссора. Отдаст! – поставил твёрдую точку самоуверенный Боджинг.

Глава 4. Настырный сосед

Прошёл год. За это время к Ойгорскому ханству присоединились ещё два племени. Хан Ойгор пополнил ряды своего доблестного войска свежими силами, а вместе с тем обрёл врага в лице южного соседа – Боджинга. Один за другим в Яраш-Дьер приезжали посланцы злобного хана. Они привозили с собой нечистые, омытые кровью и слезами дары: драгоценности, дорогие меха, домашнюю утварь. Да только отправлял Ойгор чужаков обратно словом твёрдым, отчего злился Боджинг, но ничего поделаться не мог.

К этому времени Чалын делала первые неуверенные шаги и внятно произносила слово «адам»²⁷. На день рождения отец подарил ей молодого белогривого жеребца. Он оседлал его, посадил дочь перед собой и пустил коня вскачь.

Под копытами клубилась пыль, звенела мелодично упряжь. Перед глазами изумлённой наездницы мелькали деревья. Она ощущала мерный бег коня, слышала стук копыт, а позади – стихающие восхищённые крики людей. Сердце Чалын переполнялось радостью. Ёе мягкие, как пух, волосы развевал нежный ветер, она шурилась, хохотала и постоянно оборачивалась, чтобы посмотреть на такого же счастливого отца.

Время летело невероятно быстро, день за ночью, ночь за днём, отмеряя судьбы людей, изменяя их лики. Чалын подросла. В пять лет она уже уверенно держалась в седле и выезжала с отцом на охоту, училась выслеживать зверя, стрелять из лука и кидать чекан.

Амаду возмужал. Мудростью, справедливостью и отвагой добился он признания народа и отец вверил ему правление северными племенами ханства. И юноша оправдал доверие. Амаду умело справлялся со своими обязанностями, завоёвывая всё большее уважение соплеменников и вселяя светлую гордость в сердце отца.

У Ойгора появилось больше свободного времени. Теперь он полностью отдавал его дочери, передавая ей знания жизни, обучая владению мечом, раскрывая все таинства рода. А когда хан занимался делами своего народа, его заменяла Адаана. Она посвящала Чалын в тайны природы: обучала языку зверей и птиц, раскрывала сокровенную силу целебных трав, учила читать небеса и воды.

Тем временем не дремал и враг. Зная силу ойгорского войска, хан Боджинг до поры затаился. Он уже не надеялся заполучить земли нурцев миром, однако продолжал отправлять своих гонцов к Ойгору с новыми и новыми дарами. Но всё было напрасно. Ойгор по-прежнему настаивал на единстве земли Уралтая. Тогда Боджинг решил лично явиться к несговорчивому хану. Навьючив лошадей, верблюдов и оленей, он отправился в путь.

Караван Боджинга шёл мерным шагом. Ровной полосой тянулся он по долинам, в горах петлял по узким тропам, преодолевал перевалы и реки. Спустя некоторое время Боджинг и его люди, наконец, оказались в Яраш-Дьер. Хан Ойгор гостеприимно встретил южного соседа и сдержанно выслушал все его доводы. А потом дал мудрый ответ: «Долина семи водопадов твоя. Там жить ты можешь, людьми своими править. Но притеснять народ мой тебе я не позволю». Глаза Боджинга покраснели, забило чаще сердце, кровь закипела, а разум помутился от гнева. Но злобный хан сдержался и даже слова не проронил в ответ.

Боджинг вернулся с гружёным караваном домой. С тех пор его намерения изменились. Нет, он вовсе не собирался уступать Ойгору. Злой хан вынашивал более коварный план. Мечтая обо всех наслышанных богатствах Яраш-Дьер, он готовился к войне. К той, что должна была принести ему полную победу над великим Ойгорским ханством.

Последующие три года для ойгорцев были на удивление спокойными. На их аилы никто не нападал, караваны не грабили, а на лугах не пропадал скот. Да и иноземные купцы теперь не обходили опасные места далёкими тропами, а вели караваны через земли Яраш-Дьер, что облегчало путь и экономило время. Казалось, будто бы наступило то время, когда все люди Уралтая наконец обрели счастье. Уже никому не хотелось воевать, каждый знал собственное место и занимался своим делом.

²⁷ Адам (алт. ада – папа) – обращение к отцу.

Глава 5. Лиственное чудище

В золотистой роще, под невысокой гладкоствольной осиной, принаряженной багряной листвой, играли две девочки. Они сидели на бархатистом покрывале из разноцветных опавших листьев и собирали из обломков тоненьких сухих веток маленькие аилы. Занятие это девочкам очень нравилось. Труженицы старательно возводили одно жилище за другим и складывали рядом с миниатюрным посёлком небольшие горы из собранных ими же камней. День был ясным. Чуть слышно шелестела листва, и солнце светило так ярко, что казалось, будто бы лето ещё не закончилось, а королева красок – осень, слегка поторопилась со своими чудными нарядами.

– Таш-Баш²⁸ здесь живет, – сказала маленькая красавица, одетая в бирюзовое шелковое платье, прикрытое изящным полушубком из горностая.

²⁸ Таш-Баш (камень-голова) – дух горы Тош-Туу.

Девочка доделывала конусообразное жилище, расположенное на вершине самой высокой горы, усердно возведённой ею. Аккуратно уложив последнюю палочку, она проводила взглядом красивых серых глаз пролетающую мимо паутинку. Опрятную, ухоженную красавицу звали Чалын. Утончёнными чертами лица она с каждым годом всё больше походила на свою мать: те же полненькие губы, прямой аккуратный носик и тонкие дугообразные брови. Тёмные густые волосы девочки были заплетены в три косы, две из которых лежали у неё на груди, а третья оставалась за спиной. В каждую из них была вплетена узкая зеленовато-голубая ленточка. Тонкую талию Чалын украшал кожаный пояс с золотой бляхой, на котором висели бронзовый кинжал и маленький расписной мешочек, предназначенный для кремня и огнива.

– Кто этот Таш-Баш? – спросила сидящая рядом невысокая кареглазая девчушка, разгребая руками листья под новую постройку.

Это была Нариев – соседка Чалын. Девочки давно знали друг друга и иногда, когда взрослым до них совсем не было дела, проводили время вместе.

– Нарие?! – изумилась дочь хана. – Это же дух Тош-Туу – самой высокой горы Ойгорского ханства.

– Откуда ты знаешь? – поинтересовалась Нарие, сняв паутинку со своего плеча.

– Адаана рассказывала.

– А почему его так зовут? Голова у него на самом деле каменная? – посмотрев на острый камень в своей руке, снова спросила Нарие.

Чрезвычайно любопытная, она постоянно задавала вопросы подруге, а та охотно ей отвечала, если, конечно же, знала на них ответы. На этот раз Чалын пожала плечами и тут же высказалась:

– Духов видят только те, кто им камлает²⁹. А нам остаётся лишь слушать камов и представлять, какие они – эти духи. Адаана наверняка знает, у неё надо спросить.

Внезапно налетел сильный ветер. Его порывы гнули деревья к земле, срывали с ветвей оставшиеся листья и нагоняли тёмные густые облака. Тучи быстро сгущались, в воздухе запахло сыростью.

– Надо торопиться, дождь будет, – заволновалась Нарие.

Чалын поднялась на ноги и, прищурив глаза, посмотрела по сторонам. Из-за качающихся деревьев выбежал светло-серый красавец-жеребец с большими раскосыми глазами и длинными крепкими ногами. Приблизившись к Чалын, белогривый конь остановился, склонив покорно голову к хозяйке. На широкой груди жеребца висел богатый кожаный ремень с бахромой и позолотой. Остальная упряжь была украшена многочисленными, вырезанными на коже образами необыкновенных животных. От могучего крылатого льва с орлиной головой, поднимающего в небо лося, – на правой стороне седла, до рогатого медведя с шестью лапами, придавившего толстым деревом злобного карлика, – на левой стороне.

– Ак-Боро³⁰, где ты был? – спросила Чалын.

– Там, чуть подалеже, – ответил жеребец, раздул широкие ноздри и, кивнув назад, продолжил, – за одинокой берёзой траву сочную щипал.

Конь преклонил колено. Чалын поспешно села в седло и протянула руку Нарие. Приняв охотно помощь, та очень быстро оказалась позади дочери хана.

– Держись! – прокричала Чалын.

Она тронула поводья, и Ак-Боро рванул с места.

Ветер разыгрался не на шутку. От разрушенного им игрушечного аила остались лишь разбросанные палки. Уцелели только маленькие каменные горы, да и их уже заносило листьями.

– Что он тебе ответил? – полюбопытствовала Нарие.

– Да так, ничего интересного, – крикнула в ответ Чалын. – Держись крепче!

Порывы ветра становились более резкими, учащались, а когда хмурые тучи скрыли последний просвет и вовсе разгулялся ураган. Серое небо озарилось молнией, прогремел сильный гром.

Прижавшись к Чалын, Нарие обернулась и увидела, как следом за ними устремился вихрь. Подбирая на своём пути все опавшие листья, он невероятно быстро разрастался. Испуганная наездница собралась было сказать об этом подруге, как вдруг Ак-Боро ловко обогнул стоящее на пути дерево, и странный преследователь, налетев на внезапное препятствие, рассыпался. В тот же миг Нарие подумалось, что на этом всё и закончилось. Но тут произошло нечто неожиданное – разлетевшиеся листья снова соединились, приняв теперь причудливую форму бегущих ног.

– Чалын! Они нас догоняют, догоняют! – дёргая за рукав подругу, прокричала в ужасе Нарие и снова обернулась назад.

²⁹ Камлание – ритуальные действия шамана, во время которых он общается с духами.

³⁰ Ак-Боро – бело-серый.

– Кто? – откликнулась Чалын.

– Ноги! Они уже совсем близко! – громче прежнего ответила Нарием.

Оглянувшись, Чалын увидела те самые высокие сильные ноги, о которых говорила Нарием. Над ними уже появилась часть крупного звериного тела, и выросла мощная грудь. На глазах изумлённой Чалын у преследователя возникли передние лапы и голова с нечёткими очертаниями широкой, злобной, как у разъярённого волка, морды. Страшный зверь из листьев бесновался в вихре, увлекая за собой длинный тёмный шлейф из пыли, сломанных веток и сухой травы. Нелепо, словно запинаясь одна о другую, его лапы передвигались медленно и неуклюже. Они едва касались земли, однако это никак не мешало самому чудищу стремительно настигать беглецов.

– Давай, давай, давай! – поторапливала Чалын Ак-Боро.

И снова ветвистая молния расписала небо яркой паутиной. Сердито грянул гром. Холодные капли дождя ударили по листьям. Ак-Боро ускорил бег. Лавируя между деревьями, он скакал что есть силы. Но зверь не отставал, он продолжал увеличиваться в размерах и свирепел ещё больше.

Лес вдруг потерял все яркие краски и стал каким-то серым и угрюмым. Голова чудища уже возвышалась над кущей. Оно передвигалось на задних лапах, безжалостно выкорчёвывая на своём пути все молодые деревца. Повсюду раздавался скрип и треск ломающихся сучьев.

– Он нас догоняет! – в ужасе выкрикнула Нарием.

Но Чалын её не слышала. Да и сама Нарием не услышала свой голос, его заглушил ужасный гул.

Преследователь нагнулся и протянул огромную мокрую лапу, намереваясь схватить свою добычу. Нарием отвернулась, сильнее прижалась к Чалын, и, зажмурившись, приготовилась к самому худшему. В этот момент, перед пролегающим поперёк дороги логом, Ак-Боро сбавил ход и резко свернул в сторону. Из-под копыт полетел дёрн, и конь сделал новый рывок. Перепрыгнул через валежник, прорвался через высокие кусты и уже галопом мчался по ровной, просторной поляне, оставляя перелесок позади.

Чудище пронеслось дальше и упало в широкий овраг. Но, несмотря на это, опасность всё ещё оставалась. Восстав серым великаном, разъярённый зверь схватил обеими руками старый кедр и, вырвав его вместе с корнями, швырнул в убегающих детей. Дерево рухнуло прямо перед конём.

– Держись! – крикнул тот в самый последний момент и перепрыгнул через толстый ствол кедра.

Удачно приземлившись, Ак-Боро поскакал дальше, увеличивая расстояние между собой и преследователем. Всё самое страшное осталось позади. Ураган внезапно стих и только заунывный вой из рощи всё ещё напоминал о листовом чудище. Отважную тройцу теперь не пугал даже сильный ливень. Они живые и здоровые возвращались домой. И это было самое главное.

Всю дорогу Чалын снова и снова вспоминала всё случившееся. Она припоминала, как гнулись деревья, как настигал их смертоносный вихрь, от гула которого до сих пор звенело в ушах, и как стремительно приближались они к оврагу. Чалын даже представляла, как запоем рассказывает об этом Адаане, а та внимательно её слушает. А вот с Нарием всё было иначе. Девочка всё ещё крепко прижималась к Чалын и боялась оглянуться. Она плакала, но слёз её видно не было, они смешивались с холодными каплями дождя.

Забросив Нарием домой, Чалын поскакала дальше. Минувя родное жилище, она свернула к протоке реки, окрашенной в молочный цвет. Пустив коня вброд, переправилась на другой берег и въехала в гору, увенчанную старым одиноким аилом, собранным из жердей и покрытых берестой. К нему вела единственная дорога, по обе стороны которой стояли два деревянных столба с причудливо вырезанными на них лицами. Каждое изваяние встречало гостей по-сво-

ему: одно неизменно улыбалось, а второе постоянно хмурилось. И в том, и в другом истукане был заложен особый глубокий смысл: угловатые лица говорили путникам о доброжелательности самой хозяйки или о её настороженности. Всё зависело лишь от того, с какими намерениями явился сюда сам человек. Но самым главным было не это, а то, о чём никто и не догадывался: эти изваяния сообщали шаманке о внутреннем настрое путника, его злом умысле или благом намерении.

Чалын проскакала между столбами. Она, как и все те, кто бывал здесь хоть раз, даже не заметила, как один из истуканов изменил гримасу. Улыбающийся лик проводил глазами гостью, ещё шире улыбнулся ей вслед, затем принял прежние черты и снова застыл.

Чалын оставила Ак-Боро в небольшом обветшалом загоне под навесом с залатанными берестой дырами, а сама поспешила войти в аил.

Скромное, но вместе с тем необычное убранство ветхого жилища приоткрывало занавес, скрывающий внутренний мир его хозяйки. Каждая вещь здесь имела свой тайный смысл. На полу лежала почерневшая от времени деревянная маска с глубокими трещинами по краям. Она заворазживала своим застывшим, словно каменным, ликом. Чалын казалось, будто маска следит за ней, улавливает все её движения, слышит каждый вздох и читает самые сокровенные мысли. Рядом с маской лежала сплетённая из тонких кожаных жгутов небольшая сеть, предназначенная явно не для ловли рыбы или животных. Над ней висел разрисованный чёрной краской бубен, служивший для камлания духам нижних миров. Он достался Адаане от её прадеда – чёрного шамана, но она пользовалась им очень редко. Ещё у Адааны был другой, светлый бубен, сделанный из кожи самца марала и расписанный красной краской, взятой у Красной горы. Светлый бубен лежал рядом с висящим мандьяком – ритуальным облачением шаманки. Он походил на длинный халат, увешанный кожаными жгутами, подвесками из разноцветных лент и кусков ярких тканей. Его украшали когти зверей, крылья и клювы птиц, змеиные шкуры и разнообразные меховые клочки. Пестроту ритуального костюма разбавляли потемневшие бронзовые бляхи, кольца, бубенцы и звонкие колокольчики. Причудливо сочетаясь между собой, украшения складывались в загадочные узоры, манящие и непостоянные. Повсюду: и под потолком аила, и на его стенах – висели пучки сухих разноцветных трав. Их благовоние приглушал запах легкого дыма от тлеющих в очаге веток.

Адаана приняла у Чалын мокрый полушубок, передела её в сухое платье и проводила к очагу. Всё это время девочка, как заведённая, твердила одно и то же:

– Адаана, чудище... Там... Оно нас...

Шаманка подвесила над очагом закопчённый медный котелок с водой и только тогда села напротив девочки.

– Чалын, не торопись. Всё с самого начала расскажи. Арчын³¹ нам поможет, – прервала её Адаана, положив сырую ветку можжевельника в огонь. Тонкие игольчатые листья тут же потемнели, клубы густого дыма устремились к тюнюку.

Выжимая косы, Чалын начала свой рассказ с самого начала:

– Мы с Нарием играли...

Тут ветка вспыхнула, и глаза Адааны подёрнулись едва заметной пеленой. Её взгляд стал отчуждённым, тело невольно покачивалось, а руки заметно подрагивали. Сквозь струю серого дыма шаманка видела всё, о чем говорила девочка. Перед Адааной постепенно вырисовывалась ясная картина случившегося. Она узрела, как тонкой нитью с неба опустился злой дух, как поднял он первые листья и как неимоверно быстро вихрь обратился в страшного зверя. Шаманка видела, как летящий, словно на крыльях, Ак-Боро спасал маленьких наездниц от ужасного преследователя. Она почувствовала и страх Нарием, и веру Чалын в собственные силы, и холодную сырость ветра, настигшего подружек, услышала треск сучьев и страшный гул.

³¹ Арчын (арчин) – можжевельник

Закипев, вода в котелке расплескалась. Брызги, попадая на раскалённые угли, шипели, оставляли бурые крапинки, и тут же испарялись. Адаана не замечала этого, она всё ещё пребывала в отрешённости. Чалын прекрасно знала, что во время любого ритуала шаманов нельзя ничем отвлекать. Поэтому, не прерывая истории, она сама сняла котелок, убрала его в сторону и только потом поставила точку в своём рассказе.

Веки Адааны дрогнули, тело расслабилось, руки обрели прежнюю уверенность в движениях. Ветка можжевельника уже давно прогорела, наполнив тонкой пеленой дыма погружённое в полумрак жилище. Не произнеся ни слова, шаманка встала, заварила в котелке травяной сбор, перелила ароматный напиток в чашу и подала её Чалын.

– Выпей, чтобы не заболеть, – сказала она.

– Кто это был? – спросила девочка, приняв в руки чашу.

– Пока не знаю. Дух этот не шальной, он появился здесь не случайно.

Дождь стих и уже не стучал тяжело по покрову аила, а только чуть слышно моросил.

– Чалын, ты отвар допивай и домой отправляйся, – продолжила Адаана, – Ойгор-хан наверняка уже с охоты вернулся. Ему обо всём расскажи. А когда дождь закончится, я приду к вам с ответом.

– А когда он закончится? – поинтересовалась девочка.

– Его последняя капля завтра упадёт.

Опустошив чашу, Чалын исполнила наставление Адааны. Она вернулась домой и поведала обо всём отцу.

Глава 6. Первая схватка

На следующий день, как и обещала Адаана, дождь закончился. Серое небо улыбнулось радугой, в зеркальных лужах отразились запоздалые тучи, и на улицах Яраш-Дьер появились люди. Пастухи выгоняли скот, старики собирались у аилов, женщины сушили на жердях одежду, а мальчишки палками мерили лужи.

Ожидая Адаану, хан Ойгор и Чалын стояли у своего аила, наслаждаясь свежим воздухом. Неподаляку, у коновязи, неторопливо прохаживался Кыркижи. По поручению хана он теперь присматривал за Чалын. Издалека доносились мелодичные звуки топшура³² и горловое пение кайчы.

– Адам, скажи, а ты хотел бы иметь такую же силу, как у Кыркижи, – спросила Чалын, глядя на богатыря.

Человек-гора давно возмужал, однако в душе он всё ещё оставался бесхитростным и добродушным, а вместе с тем отважным и непоколебимым. Все его знали как настоящего воина, преданного хану Ойгору.

По великому росту Кыркижи и по силе редкостной выковали ему меч достойный, такой, что простой человек лишь поднять его сможет, да и только. Меч висел на толстом кожаном ремне, украшенном бронзовыми бляхами, каждая из которых говорила о боевых подвигах богатыря. А за спиной у Кыркижи висел тугой лук – такой, что одному воину с ним не совладать, тетиву не натянуть, стрелу не пустить.

– Зачем мне такая сила? Я и так сильный, сильнее, чем он, – ответил хан, погладив дочь по голове.

Чалын удивленно посмотрела на отца:

– Как это?

– Кыркижи! – окликнул богатыря хан.

Оглянувшись, человек-гора поспешил подойти к Ойгору.

– Кыркижи, камень тот принеси! – распорядился хан.

Человек-гора подбежал к острому белому обломку скалы, торчащему из земли, нагнулся и с трудом, но всё же взвалил его себе на грудь. Тяжело шагая, он направился к Ойгору. Приблизившись, богатырь не стал опускать глыбу, а так и держал её в ожидании нового повеления хана.

– Опusti! – велел Ойгор.

Человек-гора снова нагнулся и бережно положил камень перед собой. На раскрасневшемся лице выступил пот.

– Быйан болзын³³, – кивнув, поблагодарил хан.

Кыркижи улыбнулся в ответ на проявленную к нему учтивость и отошёл в сторону, чтобы не мешать. Ойгор присел на глыбу и, взглянув Чалын в глаза, сказал:

– Кызым³⁴, вот видишь, не тот силён, кто горы воротит, а тот, кто заставляет его это делать. Это твой народ, им нужно управлять. Запомни, какие бы испытания ни посылала тебе судьба, мудро и справедливо всегда поступай, тогда тебя будут уважать, и в глазах людей ты станешь самой сильной.

– Самой сильной, – задумчиво повторила девочка.

На дороге, среди прочих людей, показалась знакомая фигура шаманки. Твёрдой поступью Адаана неторопливо направлялась к хану Ойгору и Чалын. У неё, как всегда, было спокойное

³² Топшур – алтайский щипковый музыкальный инструмент с двумя волосяными струнами.

³³ Быйан болзын – спасибо.

³⁴ Кызым – дочь.

выражение лица. Будь то горе или радость, Адаана никогда не показывала своих чувств, всё держала в себе.

– Эзен, Ойгор-хан. Эрмен, Чалын, – поприветствовала она хана и его дочь.

Поздоровавшись в ответ, хан Ойгор и Чалын принялись внимательно слушать шаманку.

– Дух этот из царства духов сыновей Эрлика пришёл. Из вечного мрака призвал его на помощь себе кам одноглазый. Кто он таков сказать я не могу, о нём я не слышана, одно лишь точно знаю – сила в нём чёрная таится. Лишь зло он несёт, за этим к духам и обращается.

– Кам по воле своей несчастье кликать не станет, им кто-то движет. Адаана, кто камлать его заставил? – спросил Ойгор.

– Стена непреодолимая зложелателя прячет. Её не перелететь и не обойти, под ней не проползти и сквозь неё не проглядеть. Сплошная тьма перед глазами.

– Быть может, это Боджинга козни? – предположил хан Ойгор, вспомнив про караван, тот самый, что должен был доставить подарок ко дню рождения Чалын.

Ещё три месяца назад хан Ойгор наказал иноземному купцу подыскать самое красивое платье для своей любимой дочери. Торговца этого хан Ойгор знал очень хорошо, он всегда держал своё слово и никогда не подводил. Весть о его прибытии хану приносили птицы, однако в этот раз всё было иначе. До праздника оставались считанные дни, но ни каравана, ни даже слухов о нём не было, он попросту исчез. Никто не знал, куда пропали люди и верблюды, и даже Адаана не увидела их, перед ней вставала стена, та самая, о которой говорила она сейчас. Так подло мог поступить только Боджинг.

– Злой дух не успокоится, пока обратно его не отправишь, в царство вечных страданий, – продолжила шаманка.

Адаана протянула Чалын бархатный мешочек. Девочка открыла его и увидела там самый обыкновенный речной песок.

– Что это? – спросила она.

– Тут сила тысячи камней. Мне собрали его мои помощники-духи. Если он вернется, осыпь его этим.

Чалын потёрла крупинки пальцами, завязала мешочек и подвесила на пояс.

– Адаана, злого духа надо отправить обратно раньше, чем он явится снова, – сказал хан Ойгор. – Камов на помощь призови, но только найди мне его.

Женщина кивнула в ответ.

В этот же день Адаана попросила помощи у других шаманов Ойгорского ханства. Свою просьбу она донесла к ним с быстрыми птицами. Её призыв услышали семьдесят камов, и каждый из них согласился помочь. На высоких хребтах и в широких долинах, на межгорных лугах и в каменных пустынях разгорелись костры, запели, заплясали шаманы. И сотни духов устремились к ним на помощь, на гул их бубнов и перезвон бубенцов.

Минула ночь, наступил рассвет, а камлания всё ещё продолжались. В дремучих лесах и заоблачных ледниках, в топких болотах и бездонных озёрах шаманы искали злого духа. Уж солнце снова спряталось за горами, в небе одиноко воссияла холодная звезда, а поиски всё ещё не увенчались успехом.

На погружённой в сумерк поляне, обнесённой длинными шестами с растянутыми на них шкурами яков и лошадей, принесённых в жертву, Адаана возобновляла свой таинственный ритуал. После непродолжительного перерыва она снова взяла в руки бубен и занесла его над костром. Пламя облизало обод, кожа на нём натянулась, и бубен издал первый настораживающий звук от удара по нему колотушкой.

Хан Ойгор в это время сидел на ковре и внимательно наблюдал за шаманкой. Одной рукой он прижимал к себе дочь, другой устало потирал своё лицо. Прильнув к отцу, Чалын засыпала, её глаза закрывались. Фигуры людей, находившихся рядом, расплывались, и мысли, невольно цепляясь друг за друга, неуловимо ускользали в бесконечные лабиринты сладких сновидений. Рядом с ней сидел Кыркижи, он поправлял на Чалын тёплое покрывало, которое постоянно сползало с её плеч. Здесь же находились и другие близкие хану Ойгору люди. Все они сосредоточенно следили за непредсказуемыми движениями шаманки. Та перетаптывалась у костра, мерно била колотушкой в бубен и издавала непонятные звуки.

Наступила ночь. Кардын дьолы³⁵ разделил небосвод лёгким туманным свечением, и тысячи ярких звёзд засияли так близко, что, казалось, до них можно легко дотянуться рукой. В этот момент Адаана вдруг зарычала, как медведь, разногласо закричала и рьяно забила колотушкой. Некоторым людям даже показалось, что от чрезмерного усердия женщины кожа на ободке вот-вот лопнет.

Сомнений ни у кого не возникло – шаманка вновь связалась с духами-покровителями и теперь переходит в другой мир. Наклонившись вперёд, она присела, очень низко опустила

³⁵ Кардын дьолы (снежный путь) – Млечный путь.

бубен, так, что тот едва не коснулся земли, затем выпрямилась, вознесла его над собой и замотала головой. Ещё немного и движения Адааны вновь обрели монотонность и неспешность. Она склонилась над огнём и непрерывно застучала в свой ритуальный инструмент.

Почувствовав необыкновенную лёгкость, шаманка оставила своё тело, а сама, словно пушинка, воспарила в небо. В мире духов её внешность изменилась: кожа стала гладкой и упругой, седые волосы почернели и вновь обрели свой здоровый блеск, лицо помолодело.

Адаана остановилась и настороженно осмотрелась. Потусторонний мир был совершенно непредсказуем. Он имел несчётное количество путей, каждый из которых мог таить в себе опасность. Однако в этот раз здесь было необыкновенно тихо и спокойно. На первый взгляд мир духов ничем не отличался от мира людей. Поляну окружал сонный лес, за ним тянулись уставшие горы. Их, застывших в полудрёме, омывали быстрые реки, холодные воды которых отражали блики от пожелтевшей полной луны. Но первое впечатление вводило в заблуждение. На самом деле здесь всё было иначе. Адаана заметила, как от костра, у которого осталось её тело, в разные стороны отскочили языки пламени, у них появились острые пылающие концы, и они закужили хоровод вокруг дымящих раскалённых углей. Со стороны всё это напоминало незамысловатый огненный танец маленьких звёздочек.

От необыкновенного зрелища Адаану отвлекла мерцающая синяя точка. Она летела очень быстро и оставляла за собой светящуюся полосу. Нет, она не походила на умирающую звезду, что падая, сгорала в небе. Излучающая свет точка сама выбирала себе путь и стремительно приближалась к шаманке. Навстречу Адаане мчался её помощник – рыжевато-красный марал в ярком свете трёх небольших спутников – лунно-голубоватых шаров. Подлетая к шаманке, олень сбавил ход и наклонил голову. Адаана протянула руку и, ухватившись за ветвистые рога марала, в мгновение ока очутилась на его мощной спине.

Не касаясь копытами земли, дух вознёс шаманку над голой горой. В этот же момент шары распределились: два из них теперь сопровождали всадницу по бокам, а третий, освещая мягким лунным светом дорогу, летел впереди.

Вскоре перед Адааной раскинулся тёмный лес. Марал заскользил вниз по склону горы и ворвался в дебри. Он огибал сосны, ели, кедры и пихты, не задевая ни единой иголки. Шары освещали стволы деревьев, их кроны, кусты и траву вокруг. Растения отбрасывали тени причудливой формы, а невиданные звери испуганно разбегались по сторонам.

Навстречу Адаане приближался старый шаман в большой чёрной шапке, украшенной раковинами каури и перьями совы. Не останавливаясь, он промчался мимо на белом коне с огненной гривой и таким же пылающим хвостом. За ним пролетели его помощники – стая светящихся волков с красными глазами. Они тоже рыскали в поисках затаившегося злого духа.

Лес оборвался у отвесного склона высокой горы, омываемого тихим затуманенным озером. Марал снова взмыл вверх и летел до тех пор, пока наездница не увидела глубокую расщелину в скале. Она протянула руку к светящейся сфере и шар послушно последовал за ней. Адаана оставила оленя, а сама направилась в трещину, уходившую в глубь горы. Сырые потрескавшиеся стены расщелины покрывал густой мох, от него исходило лёгкое золотисто-зелёное свечение. Под ногами Адааны журчала талая ледяная вода, а высоко над головой завывал холодный ветер. Вдруг шаманка почувствовала чьё-то присутствие, а затем услышала тихий жалобный стон. Она насторожилась, и в этот момент раздался душераздирающий вопль. Из мрака расщелины вылетела большая косматая голова с седой растрёпанной бородой, длинным и острым, как клюв чайки, носом и устрашающим взглядом. Цепляясь прядями спутанных волос за камни, она невероятно быстро приближалась. От истинного облика свирепого духа Адаана содрогнулась. Его широко раскрытая пасть была полна острых, как иглы, зубов, глаза горели огнём, густым серым дымом от них тянулись брови.

Адаана схватила шар и бросилась к выходу из расщелины. Сфера вынесла её из узкого ущелья так быстро, что уже через мгновение шаманка оказалась верхом на марале, и тот без

промедления устремился ввысь. Началась погоня. Очертив в небе зигзаг, олень стрелой ушёл в воду. Разгневанный дух камнем рухнул вслед. Брызги разлетелись в разные стороны, шары зашипели и погасли. Высокими волнами раскатились по воде круги. Но глубокая, непроглядная тьма водоёма не укрыла Адаану от преследователя, он, как рыба, двигался на колебания воды.

Марал вынырнул и снова устремился в небо. Окружающие его сферы вновь засияли. Вслед за оленем из воды вылетела голова. Призывая на помощь духа-покровителя, Адаана что есть силы грозно зарычала, как медведь. В этот же миг злой дух выбросил вперёд длинный, похожий на чёрную извивающуюся змею язык, схватил оленя за ногу и потянул беглецов в широко разинутую пасть. Не растерявшись, Адаана волей мысли притянула ближайший шар и прижгла им скользкий омерзительный язык. С воплем преследователь отпустил марала, но не отстал. Разозлившись пуще прежнего, злой дух сжал губы и засвистел так, что шаманка в ужасе схватилась за голову и, не удержавшись, упала с оленя. Предвкушая победу, дух с диким хохотом разинул пасть. Но вдруг перед ним появился защитник шаманки – бурый полупрозрачный медведь с развевающейся на ветру бородкой, кустистыми бровями и длинными изогнутыми рогами горного козла.

Явившийся на зов Адааны Мююстю Айу поддел рогами врага и откинул в сторону. Голова кубарем отлетела к скалистому склону горы и остановилась. На её пути снова появился медведь. Он встал на задние лапы, передние расставил в стороны и сердито заревел. Злой дух пустил в Мююстю Айу свои длинные волосы, и они тысячами нитей липкой паутины опутали его лапы. Движения медведя стали скованными, и он уже ничем не мог помочь Адаане. А между тем, шаманка верхом на марале снова убегала. Высмотрев её, неугомонный дух возобновил погоню. Адаана быстро приближалась к поляне. Она уже видела мерцающий огонь и чувствовала запах дыма от прогорающего в костре можжевельника. Указывая страннице обратную дорогу, дым стелился лёгкой светящейся полоской над макушками деревьев.

А в это время на поляне, в мире людей, все внимательно наблюдали за шаманкой. Адаана стучала в бубен, кривила лицо, перетаптывалась у костра, поднимая подошвами пыль. Предчувствуя возвращение Адааны, хан Ойгор насторожился. Он посмотрел на спящую дочь и снова обратил свой взор на шаманку. Внезапно Адаана встрепенулась, учащённо забила в бубен и быстро, как волчок, закрутилась на месте. Жгуты на мандьяке вытянулись, колокольчики снова зазвенели. От шума проснулась Чалын.

– Кыркижи! – кликнул хан.

Поняв всё без слов, человек-гора достал из-за спины тугой лук, поднял лежавшую у его ног стрелу с обмотанным берестой наконечником и поднёс её к огню. Языки пламени жадно охватили сухую кору, наконечник разгорелся. Кыркижи выпрямился, натянул тетиву и пустил стрелу высоко в небо. Сигнальный огонь увидели воины Яраш-Дьер, ожидавшие неподалёку. Вскочив на коней, они устремились на зов хана.

– Давайте быстрее, разжигайте, – поторапливал людей с факелами Ойгор.

Десятки костров разгорались на горе.

– Чалын, от меня никуда не отходи. Кыркижи, за ней смотри... – не умолкал хан Ойгор.

Кивнув в ответ, богатырь вынул меч.

Шаманка непрерывно осыпала ударами бубен. Казалось, что гул от него разносился на всё Ойгорское ханство. Но тут Адаана вздрогнула, упала на колени и бубен смолк. Ёе двойник вернулся в тело.

– Он уже здесь, – воскликнула обессилившая женщина.

Ёе тут же подхватили под руки и отвели в сторону.

Адаана возвратилась в свой мир, и преследователь потерял её след. Он слепо двигался вперёд, пока не заметил на горизонте зарево огней. И тут дух понял, искать беглянку нужно

именно там. Рассвирепевшая голова вытянулась и, коснувшись бородой земли, закрутилась вихрем.

На поляне разгулялся сильный ветер, от него вздымалась пыль и разлетались листья. Угрюмые тучи заслонили небосвод, сверкнула ослепительная молния, оглушительный гром с треском разорвал небеса. В этот момент тонкой нитью злой дух проник в мир людей. Петля между деревьями, он подбирал листья, собирал ветки, поднимал пыль. Неимоверно быстро вихрь превратился в чудище, созданное из лесного сора. Оно выросло до невероятных размеров и теперь напоминало серого великана с вытянутой безликой головой.

Воины хана осыпали его копьями и стрелами. Да только не было от этого толка, все они пролетали сквозь него, не причиняя никакого вреда. Приближаясь, великан с корнем вырывал деревья и кидал их в людей. Затем у чудища появился огромный рот, оно слегка наклонилось и дунуло. Холодный вихрь потушил сразу девять костров. Не выдерживая напора ветра, кони валялись на землю, люди разлетались по сторонам. Крики раненых заглушал страшный гул. Деревья гнулись, ломались ветки, кружились сорванные с ветвей листья. Люди, как муравьи, сновали перед великаном, одни пытались ему сопротивляться, другие чуть живые уносили ноги.

Чалын вспомнила про бархатный мешочек, который дала ей Адаана, сняла его с пояса, и развязала.

– Адам! – окликнула она отца.

В руке дочери хан увидел горсть песка и криком распорядился:

– Кыркижи, отвлеки его, – крикнул хан.

Защищая глаза от пыли рукой, человек-гора двинулся на разъярённого великана. Заметив богатыря, чудище попыталось сдуть его с ног, но человек-гора устоял, с его головы лишь слетела шапка.

Ойгор подхватил на руки дочь, запрыгнул на коня и пустил его вскачь. Преодолевая сокрушительные порывы ветра, перелетая через разбросанные деревья, они мчались навстречу врагу. Из двух всадников, скачущих на огненно-рыжем жеребце, великан разглядел Чалын и разъярился ещё больше.

Кыркижи замер, увидев, какая опасность ожидает дочь хана. Вбирая воздух, грудь чудища раздувалась для того, чтобы нанести сокрушительный удар. Промедление сулило гибелью. Человек-гора вонзил меч в землю, схватил поваленную сосну и с отрывистым криком швырнул её в великана. Крутящееся дерево угодило тому прямо в голову, разбросав вокруг охапки сухих листьев. Ветер на мгновение стих.

– Кидай! – крикнул хан Ойгор дочери.

Размахнувшись что было сил, Чалын бросила песок в великана. Тысяча мелких крупинок превратилась в тысячу огромных камней. С силой камнепада глыбы обрушились на чудище и погребли его под собой. Грохот от них эхом прокатился по горам, ну а после наступила тишина. Враг был повержен.

– Она справилась. Дух в камни заточён – тихо произнесла Адаана.

Глава 7. День рождения

Ночное сражение с духом отняло у Чалын много сил, и весь следующий день она отдыхала. Дочь хана настолько утомилась, что от восхода солнца и до самого его заката даже не выглянула из айла, чтобы подышать свежим воздухом. К вечеру она выпалась, но вставать так и не собиралась. Пролёживая бока на тюфяке, набитом оленьей шерстью, девочка наблюдала за пляшущим в очаге огнём, вспоминая недавние события. А когда сумрак сгустился и над Яраш-Дьер снова засияли звёзды, Чалын попыталась уснуть, но не смогла. Она беспокойно вертелась и всё время о чём-то размышляла.

«Интересно, почему этот злой дух хотел меня забрать? – подумала Чалын, переворачиваясь на другой бок. – Наверное, собирался унести к себе, под землю».

Тут девочка открыла глаза и заметила угасающие в брошенном очаге угли. В айле сгустился полумрак, воздух остыл, с улицы веяло прохладой. Чалын сильно удивилась. Ещё никогда не было такого, чтобы присматривающая за огнём женщина куда-то исчезла. Для всех людей ойгорского ханства домашний очаг был святым местом, и поэтому погасший в нём огонь предзнаменовал несчастье.

Приподнявшись, Чалын посмотрела на отца. Тот крепко спал, положив одну руку на грудь, другую закинув за голову.

«Адам устал не меньше меня, а может даже и больше. Весь день сегодня на ногах. Пусть спит. Я сама разожгу огонь», – подумала она, направившись к очагу.

В темноте девочка попыталась нащупать хворост у остывающих камней очага, но его там не оказалось. Тогда Чалын решила набрать сухих веток у выхода, где их всегда было в достатке. Вытянув руки перед собой, чтобы не упасть, она пошла к эжику. Но и тут её ждала неудача – хворост, заготовленный в зиму, пропал.

«Не может быть! – пришла в изумление Чалын. – Его здесь было очень много. По крайней мере, ещё вечером».

Девочка приоткрыла завесу из овчины и вышла из айла. Она решила набрать толстых колотых веток, уложенных рядами за жилищем.

Светила полная луна. Спали деревья, молчала трава и даже листья не шуршали под ногами. Повсюду царила тишина. Лишь только одинокий сверчок своим монотонным стрёкотом нарушал мирный покой.

Чалын обошла аил и оказалась на берегу большого озера, водная гладь которого широкой полосой отражала луну.

«Откуда оно здесь?» – недоумевала девочка.

Вместе с непониманием пришло неудержимое любопытство и Чалын коснулась пальцами воды. По поверхности тут же разошлись круги, но сама рука осталась сухой. Ни тепла, ни холода дочь хана не ощутила.

«Этого не может быть», – отдёргнув руку, подумала она.

Следом за её ладонью из озера в небо поднялась сверкающая в лунном свете капля, за ней вторая, третья, а потом их стало так много, что это уже напоминало серебристый дождь.

«Какой-то неправильный дождь, – подумала Чалын. – Капли почему-то поднимаются в небо, а не падают вниз. Странно, всё должно быть наоборот».

В небе капли испарялись и превращались в сияющие облака. Необыкновенно красивое зрелище всецело поглотило Чалын, она стояла, как замороженная, и не могла отвести глаз. Но тут девочка вспомнила, зачем сюда явилась, повернулась, набрала веток и поспешила вернуться в аил. Там она положила их в очаг, подложила берёзовой коры и стала раздувать угли. Те очень быстро покраснели, от них пошёл жар и береста вспыхнула. В очаге разгорелся огонь и в айле снова стало тепло и уютно.

Чалын посмотрела на отца. Перевернувшись на бок, тот крепко спал. Мысли о загадочном озере не давали девочке покоя и она решила ещё разок взглянуть на него. Когда Чалын потихоньку вышла из аила, на улице уже шёл дождь. Одна холодная капля прокатилась по её щеке, вторая попала на подбородок, а третья упала на ресницу. Девочка моргнула и вдруг в один миг всё исчезло, как будто вовсе ничего и не было. Вокруг лишь только темень и чей-то мокрый шершавый язык усердно лижет щеку. Чалын открыла глаза и увидела милостивую мордочку зеленоглазого рысёнка.

«Выходит, это был всего лишь сон», – догадалась девочка.

Она взяла зверька под передние лапы и приподняла. Крепкое тело рысёнка покрывала густая серо-жёлтая шерсть с бурыми круглыми пятнами. Только на брюхе и на подбородке она была белая и мягкая, как пух. На кончиках треугольных ушей торчали чёрные пушистые кисточки. Маленький хищник урчал и щекотал Чалын длинными усами.

– Какой он хорошенький! – обрадовалась девочка.

– Пусть рысёнок будет тебе другом, – пожелал хан Ойгор. – Кызым, с днём рождения. Он наклонился к дочери и нежно поцеловал в щеку. В ответ именинница обняла отца, поблагодарив за подарок.

– Адам, где ты его взял? – после спросила Чалын.

– Бедняга в петлю попался, – ответил хан Ойгор. – Он промок, замёрз и обессилел. Я его пожалел и с собой забрал.

Хан Ойгор нашёл рысёнка в лесу в тот самый дождливый день, когда на Чалын напало чудище. Маленький зверёк так сильно понравился хану, что он решил подарить его дочери на день рождения. Вернувшись в аил, Ойгор до поры до времени оставил беспомощного хищника у соседей, чтобы те о нём как следует позаботились. Прошло немного времени, и вот, на радость хану, выхоленный игривый питомец урчит себе в руках довольной Чалын.

– У него нет мамы? – спросила девочка.

– Думаю, что нет. Детёныша своего она бы не бросила, – ответил хан Ойгор, рукой пригладив уши маленькому хищнику. Рысёнок замурчал пуще прежнего.

– Мур да мур, – посмотрев в глаза зверьку, произнесла Чалын. – Тебя будут звать Мурлыс. Рысёнок замолчал и от удивления приоткрыл пасть.

Утро именинница встретила с хорошим настроением. В этот прекрасный осенний день со всего Ойгорского ханства в Яраш-Дьер съезжались люди. Одни спешили поздравить Чалын с днём рождения, другие собирались на той – народные гуляния, устроенные ханом Ойгором в честь своей дочери.

Празднество предвещало череду разнообразных увеселений под открытым небом. С раннего утра в больших медных казанах варилось мясо, над раскалёнными углями румянились грудинки баранины – керзен, в горячей золе прогоревших костров выпекался теертпек³⁶. Пряные запахи готовящейся пищи чувствовались далеко за пределами Яраш-Дьер.

А на окраинах посёлка один за другим возводились переносные островерхие аилы приезжих. Обустроившись, нарядные люди стекались к поляне на опушке хвойного леса. К полудню здесь было уже не протолкнуться. Той набрал силу, разноголосо загудел. Радость переполняла людей, повсюду раздавались смех и восторженные крики.

Взрослым разносили араку³⁷ и чегень³⁸, детей угощали ток-чоком – сладостью, приготовленной из пережаренных кедровых орешков, ячменя и мёда диких пчёл. Ребятишки обожали ток-чок, они запивали его ароматным чаем из бадана³⁹ с талканом⁴⁰.

В стороне от веселящегося народа, у длинного ковра, уставленного разнообразными яствами, во главе с ханом Ойгором трапезничали знатные люди: ханы, баи, зайсаны. Они неторопливо беседовали на всевозможные темы и время от времени поднимали чаши с аракой в честь именинницы. Однако самой виновницы торжества у ковра уже не было. Насытившись, она, как и все остальные дети, оставила взрослых и отправилась играть.

Чалын окружили девочки. Они с восторгом рассматривали рысёнка и трогали его пушистые кисточки. Мурлысу это не нравилось, он злился, отбивался от назойливых хохотушек лапой и скалился. А их это только раззадоривало.

– Сейчас как полосну, мало не покажется, – замахнувшись лапой с выпущенными острыми когтями, прорычал Мурлыс.

– Как, ты уже разговариваешь?! – удивилась Чалын, широко раскрыв глаза.

– Ну да, – не опуская лапу, спокойно ответил тот. – Мне уже два месяца от роду.

³⁶ Теертпек – национальный алтайский хлеб.

³⁷ Арака – алкогольный напиток.

³⁸ Чегень – напиток, приготовленный из кислого молока.

³⁹ Бадан – растение с целебными свойствами.

⁴⁰ Талкан – измельчённый жареный ячмень.

- Что? Что он сказал? – наперебой загалдели любопытные девочки.
- Мурлыс устал, отнесу его в аил, – отвязалась от них Чалын.

Она прижала рысёнка к груди и отошла в сторону. Девочки сразу же нашли себе другое занятие. Поднявшись на пригорок, они высмотрели крутящихся в толпе мальчишек и стали за ними наблюдать. Те поочередно кидали чекан в старое засохшее дерево с отломленными ветками.

Дочь хана подошла к коновязи, и присев рядом с Ак-Боро, пребывающим в компании двух гнедых приезжих лошадей, отпустила рысёнка. Тот встал, расставил широкие лапы, поднял голову и посмотрел на коня.

- Ак-Боро, это Мурлыс, – представила нового друга Чалын.
- Вообще-то, меня зовут Рыс, – возразил маленький зверь.
- Конь от изумления помотал головой и тут же переспросил:
- Так как тебя зовут?
- Рыс-Мурлыс, – рассмеявшись, ответила за него девочка. – Тебя теперь так звать будут.
- Рысёнок приподнял нос и отвернулся.
- Ух, какой важный, – подметил Ак-Боро, коснувшись мордочки зверька своим пушистым хвостом.

- Но, но! – возмутился Рыс-Мурлыс.
- Куда поедет? – заржал конь. – Указывай дорогу!

На шутку Ак-Боро рысёнок никак не отреагировал, она показалась ему некстати. А вот лошадям, напротив, она пришлась как раз по нраву и они рассмеялись.

- Рыс-Мурлыс, почему ты раньше молчал? – поинтересовалась Чалын.

– А меня никто ни о чём и не спрашивал, – ответил тот.

– А мама у тебя есть? – полюбопытствовала девочка.

– Есть, – завалившись набок, как-то печально ответил рысёнок. – Но я не знаю где она и мой брат. Когда они в логове спали, я зайца увидел и решил его поймать.

Тут Рыс-Мурлыс, подыгрывая себе, перевернулся на живот, поджал под себя передние лапы и насторожился. Всё его внимание переключилось на хвост белогривого соседа. Ак-Боро уловил намерения рысёнка и чуть подёрнул хвостом. Рыс-Мурлыс прыгнул на воображаемую добычу, но промахнулся, белогривый конь успел убрать хвост.

– И что, не догнал? – тут же спросил Ак-Боро.

– Нет, ушёл, – ответил рысёнок и продолжил, – я решил его выследить, убежал далеко и потерялся. Искал, искал их, – Рыс-Мурлыс заходил кругами, – да так и не нашёл. Затем меня схватила, ну... человеческая змея...

– Верёвка, – поправила его Чалын.

– ...и не отпускала, – закончил зверёк.

– Рыс-Мурлыс, не огорчайся, мы обязательно их найдём, – утешила его девочка.

Выражая свою признательность, рысёнок прыгнул к Чалын и принялся ластиться.

Торжество продолжалось. На холме, окружённом раззадоренными людьми, проходило состязание кодурге таш⁴¹. Крепыши поочередно поднимали тяжёлые камни на пни разной высоты, доказывая своё преимущество над остальными соперниками. Соревнование проходило под весёлое переливчатое звучание шоора⁴². Молодой забавный музыкант умело подбирал мелодию для каждого силача, при этом он крутил головой, живо шевелил бровями и пожимал плечами.

⁴¹ Кодурге таш – соревнование по поднятию камня.

⁴² Шоор – флейта.

На холм с трудом взобрался худощавый мужчина с тонкими усиками и голым торсом. Развязность и неуклюжие движения выдавали его пребывание в одурманенном состоянии от чрезмерно выпитой араки. Музыкант издал тихий шуточный свист. Народ рассмеялся.

Решив, что в нём таится богатырская сила, удалец подошёл к самому тяжелому камню, нагнулся и попытался его поднять. У него ничего не получилось, он даже не сдвинул его с места. Смелчак выпрямился и подошёл к камню поменьше. Вторая попытка оказалась более удачной. Он оторвал камень от земли и попытался водрузить его на пень. Но тут его снова ждал провал, ведь пень смелчак выбрал самый высокий. Сил ему хватило на то, чтобы приподнять камень только до середины. Тот ударился об пень и вывалился из рук удальца. Горе-богатырь упал и кубарем покотился под гору.

– Туру-туру-туру-ту! – весело проводил его в дорожку музыкант.

Люди снова рассмеялись. Храбреца подхватили под руки друзья, подняли и подали чашу с аракой. Он залпом выпил её до дна и поднял руки вверх, показывая тем самым, что в этом-то он молодец.

– Ха! – тихо произнёс Учинчи Кулак.

Человек-барсук проходил мимо холма как раз в тот момент, когда увидел забавное представление усатого удальца. Он остановился и досмотрел его до конца. А когда двинулся дальше, на него налетел светловолосый мальчуган, держащий в руках истекающие золотистым мёдом соты. День был тёплый, и поэтому Учинчи Кулак шёл в шубе нараспашку, с ремнём, перекинутым на дорожную рубаху с узорами. От столкновения мальчик упал, а соты с мёдом прилипли к рубахе человека-барсука.

– Кыртыш⁴³! – наморщив лоб, возмутился Учинчи Кулак. – Где твои глаза, ты куда смотришь?

Оскалив зубы, он схватил испуганного мальчишку за руку и поднял его, непременно намереваясь наказать. Вокруг тут же собрались зеваки. Человек-барсук вдруг опомнился и скрыл свой гнев под натянутой улыбкой. Привлекать к себе лишнее внимание он не стал и потому вернул мальчишке соты, а сам пошёл дальше.

– Уул⁴⁴ дрянной. Тебя бы в лягушку обратить да съесть, – пробормотал Учинчи Кулак, прикоснувшись к липкому пятну рукой.

Среди развлекающегося народа человек-барсук высматривал хана Ойгора, и, как всегда, прислушивался к чужим разговорам. Он был наделён редкостным даром: среди множества посторонних звуков различать голоса лишь тех людей, которые его интересовали.

– ...да, да, конечно, коня моего возьми... Она виновата, не досушила... Кусок этот к дереву привяжи...

Все эти слова были для него пустыми и никчёмными. Учинчи Кулак сосредотачивался на речи стариков, женщин, мальчишек, но все они говорили не о том.

– ... Чалын... – пронеслось мимо его ушей.

«Дочь Ойгор-хана», – промелькнуло в голове человека-барсука.

Учинчи Кулак прислушался к разговору двух девочек.

– ...она мне сама говорила, они у старого кедра собираются, – сказала Нарием.

– Бежим быстрее, – поторопила её подруга.

Взявшись за руки, девочки побежали к названному месту, а человек-барсук устремился за ними.

У величавого кедра-великана уже толпился народ. Из множества носимых деревом имён люди с глубоким уважением называли его одним – Меш-Абаай, что означало «кедр-дядя». Под раскинувшимися пушистыми лапами, возле крепких извилистых корней, выглядываю-

⁴³ Кыртыш – выражение, передающее крайнее раздражение.

⁴⁴ Уул – мальчик.

щих из земли, стояла Чалын. Она слушала речь сутулого старца, голову которого покрывала шапка, пошитая из серовато-рыжих белчихих шкурок. Это был Кундулей⁴⁵ – зайсан Яраш-Дьер – самый старей и уважаемый человек Ойгорского ханства. Его кожаный пояс давно уже растянулся от тяжести навешанных на него многочисленных блях, однако старец не спешил его менять. Зайсан стоял рядом с Чалын, одной рукой опираясь на очищенную от коры длинную прямую палку. В другой руке он держал золотую бляху с изображением поверженного злого духа. Несмотря на свой преклонный возраст, старец говорил быстро и разборчиво, при этом он время от времени кивал и крутил головой, бегло осматривая собравшихся людей.

– Множество наград здесь находило своих героев. Храбрые воины и мирные жители, женщины и мужчины, старики и мальчишки прикасались к стволу Меш-Абаай. Но я не помню, чтобы такой чести была удостоена девочка. Мне очень приятно вручить ей эту первую награду...

Укрывшись в толпе, Учинчи Кулак внимательно слушал зайсана, не сводя при этом глаз с хана Ойгора, находившегося рядом с дочерью.

– ...и пожелать счастья, удачи и множества таких же ярких побед, – закончил зайсан, протянув бляху Чалын.

Девочка приняла награду и по старому обычаю прикоснулась свободной рукой к толстому стволу кедра. Чалын ощутила силу могучего дерева. Оно потрянуло кроной, качнуло толстыми ветками и закрипело. С кедра посыпались старые высохшие иголки. Дерево зашевелилось, а это означало лишь одно: оно посчитало подвиг девочки достойным того, чтобы увековечить его в своей памяти.

Люди радовались за Чалын, они произносили ей похвалы, поднимали вверх руки. Молчал лишь человек-барсук.

– Подвиг твой теперь в корнях Меш-Абаай живёт, – прижав к себе дочь, сказал хан Ойгор.

Величавый кедр хранил в себе множество преданий о героических поступках людей, прикоснувшихся к нему рукой. Любой кайчы мог дотронуться до старого дерева и узнать новую необыкновенную историю, а потом рассказать её людям.

Из толпы показался Амаду, он подошёл к сестре и крепко обнял её.

– Чалын, молодец! – сошла с его уст похвала.

Возмужавший Амаду стал выше и крепче хана Ойгора и сейчас, когда отец с сыном стояли рядом, это было ещё заметнее.

Чалын окружили девочки, они разглядывали бляху и непрестанно расхваливали её хозяйку. В толпе Чалын увидела Адаану, та сдержанно кивнула ей в ответ.

В этот момент хан Ойгор покачнулся, схватился за грудь и присев на выступающий корень, прислонился спиной к кедру. Всё внимание людей тут же обратилось на него.

– Адам, что с тобой? – испугалась за отца Чалын.

Она села напротив и прикоснулась ладонью к его побледневшему лицу.

– Всё хорошо! – успокоил тот. – Я немножко устал.

На самом же деле всё было не так хорошо, как говорил хан Ойгор. Сначала он почувствовал непонятную слабость во всём теле, затем ощутил сильную боль, и ему показалось, что его сердце словно кто-то вырвал из груди.

Люди поспешили на помощь. Адаана смочила лицо Ойгора водой, и ему стало легче.

За всем, что происходило под деревом, со стороны наблюдал Рыс-Мурлыс, сидя на спине у Ак-Боро.

– А кто этот здоровяк? – вскочив на задние лапы, спросил рысёнок. – Мне он на глаза всегда попадается.

⁴⁵ Кундулей – уважаемый.

– Это Кыркижи, он за Чалын присматривает, – ответил конь, повернув голову в сторону богатыря.

Рыс-Мурлыс внимательно осмотрелся.

– А тот мохнатый? – снова поинтересовался рысёнок, схватившись лапой за ухо Ак-Боро.

– Убери лапу! Который?

– Да вон тот, видишь, он почему-то ухмыляется.

Действительно, среди всех собравшихся людей весело было одному лишь Учинчи Кулаку. Оголив потемневшие от налёта зубы, удовлетворённый человек-барсук с усмешкой подслушивал все разговоры вокруг хана Ойгора. Но тут он поймал на себе взгляд рысёнка и, злобно сверкнув глазами, обратил всё своё внимание на него и на его белогривого друга.

– Вижу, вижу! Его надо поймать, – прошептал Ак-Боро.

– Ак-Боро, не смотри на него, спугнёшь, – так же тихо произнёс рысёнок, отвернувшись в сторону. – Аккуратно обходи его сзади, я пойду спереди.

Но Рыс-Мурлыс и Ак-Боро даже не догадывались о том, что сам Учинчи Кулак уже узнал их намерения. С его лица пропала улыбка, он развернулся и, расталкивая людей, поспешил прочь.

– Давай, давай, за ним! – выкрикнул рысёнок.

Ак-Боро попытался догнать беглеца, но не смог, толпа была слишком плотная, люди не давали ему пройти. Тогда проворный рысёнок спрыгнул с коня и один бросился вслед за беглецом. Рыс-Мурлыс только и успевал петлять среди человеческих ног. Он не видел Учинчи Кулака и потому бежал наугад. Наконец Рыс-Мурлыс выскочил из толпы и оказался у опушки соснового леса. Он огляделся по сторонам и увидел убегающего человека-барсука. Что было сил рысёнок бросился в погоню.

Напуганный возможным разоблачением Учинчи Кулак на бегу скинул шубу, разулся и снял рубаху. В босые ноги впивался сушняк, ветки кустов царапали бока, преследователь нагонял. Но вот человек-барсук заметил звериную нору под корягой и уже собрался превратиться в барсука, как вдруг в его ягодицы вонзились острые когти рысёнка.

– Ай! – изогнувшись дугой, вскрикнул от боли Учинчи Кулак.

Он откинул Рыса-Мурлыса в сторону и, превращаясь в зверя, выскочил из штанов прямо в нору.

– Ушёл! – с досадой произнёс Рыс-Мурлыс.

Лапой он приподнял штаны и увидел на них четыре рваные полосы от своих когтей.

Подземный коридор вывел барсука в безопасное место. Из отнорки под голым кустом сначала показалась его полосатая мордочка с бегающими испуганными глазками, а уж потом появилось и всё тело на крепких коротеньких ножках. Дрожа, маленький хищник встал на задние лапы, настороженно осмотрелся и, убедившись в собственной безопасности, побежал дальше, в глубь леса.

Глава 8. Обитатель Мёртвого леса

В сером унылом лесу, где не слышны голоса зверей и давно позабыто пение птиц; там, где никогда не гуляют ветра и не зеленеет на солнце трава; среди голых искорёженных деревьев, гниющих у зловонного болота, стояла высокая, обросшая мхом, почерневшая от промозглости юрта. У её стен лежали пожелтевшие от времени черепа животных. Возле жилища горел небольшой костёр, дым от которого, казалось, и создавал тот плотный туман, что стелился над сырой землёй.

Над огнём неторопливо потирал руки человек с чёрной повязкой на правом глазу, одетый в тёмную шубу из овчины. У него были длинные кривые пальцы с отросшими ногтями, копящими под собою грязь. Отшельника сильно старили глубокие морщины на лице и длинные пепельные волосы, покрывающие его худые плечи. Это был шаман Казыр⁴⁶.

Он камлал лишь самым сильным духам из нижних миров, среди которых были сыновья и дочери Эрлика. Однако шаману этого было мало, он жаждал большего могущества. Для того чтобы получить покровительство самого властелина подземного царства, Казыр отдал Эрлику свой правый глаз, а вместе с ним и частичку своего двойника, после чего шаман стал бояться солнечного света. Казыр был слеп днём, но зато очень хорошо видел ночью. Именно потому он и поселился в Мёртвом лесу, в том месте, где никогда не рассеивался туман.

Жители соседствующих с Мёртвым лесом аилов избегали встреч с одноглазым отшельником. Они обходили гиблые места стороной и старались даже не упоминать в разговорах их таинственного обитателя.

Один лишь хан Боджинг не сторонился Казыра. Он хоть и изредка, но всё же захаживал к нему за помощью. А тот никогда и не отказывал своему единственному гостю, потому что сам любил причинять людям боль и получать за это награды. Вот и сейчас, предчувствуя редкую встречу, злобный шаман ожидал коварного хана с его щедрыми дарами.

И Казыр не ошибся. В это время Боджинг держал путь именно к нему; верхом на вороном коне, чёрная упряжь которого была обвешана дивными нефритовыми украшениями, золотыми и серебряными бляхами с изображениями ящериц, крылатых драконов и других загадочных, явно недобрых существ. Следом вышагивал длинноногий огненный красавец жеребец, за ним шёл навьюченный двугорбый верблюд. А за верблюдом тянулись постоянно отстающие тучные яки. Замыкал небольшой караван Учичи Кулак.

Сначала, по своему неведению, человек-барсук подобрал для Казыра старых больных животных: лошадь без хвоста, безухого верблюда и тощих хромых яков с отломленными рогами. Завидев этакий негожий караван, зайсан Боджинга возмутился: дескать, таких животных в жертву духам приносить негоже. Они уже помечены Эрликом. Разгневанный дух может и наказать за столь неуважительное подношение. И тут же рассказал историю про кама, принёсшего хромого яка в жертву, закончив её тем, что сам шаман после ритуала стал хромым. Испугавшись, Учичи Кулак поступил так, как посоветовал ему зайсан и заменил всех животных, а после доложил о готовности Боджингу. Караван двинулся в путь.

Сидя верхом на гнедом коне, Учичи Кулак то и дело охаживал плетью хребты нерасторопных животных, вздрагивал от каждого шороха и постоянно оглядывался. Человек-барсук уже рассказал хану Боджингу обо всём, что он увидел и услышал в Яраш-Дьер, и теперь ему предстояло поведать то же самое одноглазому шаману.

– Пошевеливайся! Сарлык никчёмный, – пройдясь плетью по округлым, как бочонок, бокам яка, выкрикнул Учичи Кулак.

⁴⁶ Казыр – злой, свирепый.

Переpravившись через мутную лужу, отъевшееся животное лениво ковыляло по осклизлой земле. Як сильно устал и уже едва передвигал ноги. От принятых ударов он рванулся вперёд, но поскользнулся и свалился в грязь. Брызги серой жижи разлетелись в разные стороны. Недовольный як захрюкал, замотал головой.

– А ну вставай! – обозлился человек-барсук.

Но измотанное животное не послушалось его, оставаясь лежать в раскисшей земле.

Учинчи Кулак поднял глаза и увидел, как седая пелена тумана поглотила последнего удаляющегося от них яка. В этот момент его лошадь сделала пару шагов назад и человек-барсук упёрся спиной в толстую искорёженную ветку сухого дерева.

– А! – испугавшись, вскрикнул седок и тут же обернулся. – Ха! Ха-ха! Это всего лишь ветка, – сам себя успокоил он.

Сзади раздался хруст. Учинчи Кулак вздрогнул, развернулся, занёс плеть над головой и, что было сил, ударил яка по покато́й спине.

– Вставай, тупой сарлык! – испуганным голосом взвизгнул он.

– У-у-у! – задрав голову, хрипло взревело животное.

С трудом поднявшись на ноги, як тяжело двинулся дальше. С косматой шерсти потекла грязь.

Всё это время, перелетая с дерева на дерево, за караваном наблюдал старый молчаливый ворон. Это под его холодной когтистой лапой сломалась тонкая сухая ветка и издала треск, так испугавший Учинчи Кулака.

Человек-барсук отстал. Хан знал причину задержки, однако ждать было не в его правилах, и он, не сбавляя хода, двигался дальше. Через некоторое время Боджинг выехал к чёрной юрте.

– Бр-р! – приблизившись к Казыру, остановил коня хан.

Он спрыгнул на размякшую от влаги землю и подошёл к шаману.

– Над землёй твоей тьму вечную, от солнца потухшего, – пожелал в своём приветствии Казыру Боджинг.

– Боджинг-хан, к ногам вашим – голову врага и подданство его народа, – кивнув, ответил одноглазый шаман.

Их разговор внимательно слушал ворон. Он уже сидел на юрте и, склонив голову набок, пристально наблюдал за собеседниками.

Чёрная птица исправно служила своему хозяину – Казыру. Она приносила ему новости и охраняла его Мёртвый лес от непрошенных гостей.

Очень скоро к юрте подъехал Учинчи Кулак. Он торопливо соскочил с высокой мягкой подстилки, на которой сидел в седле, подбежал к верблюду, снял с него вьюк, развязал его и вытащил оттуда пару овечьих шкур. Ими он аккуратно застлал два округлых камня у костра, для Боджинга и Казыра. Они уселись, а сам Учинчи Кулак остался стоять, чуть отойдя в сто-

рону. Сырых, пожелтевших от старого мха валунов было много, они беспорядочно валялись вокруг костра, однако человек-барсук предпочёл оставаться на ногах, так как незажившие раны на самой мягкой части его тела всё ещё давали о себе знать.

Злобный хан кивнул человеку-барсуку и тот начал свой рассказ с того момента, как он оказался у древнего развесистого кедра. Слово в слово он пересказал всю речь старого зайсана.

– Значит, духа девочка одолела, – прервал его шаман.

– Да-да, Казыр-кам, она под камнями его погребла, – кивая, уточнил Учичи Кулак. –

Об этом люди говорили.

Казыр задумался.

– Но от этого ничего не меняется. Я правильно понял? – переведа строгий взгляд на шамана, спросил Боджинг.

– Нет, конечно же, нет, – спокойно ответил шаман, подкинув горсть темно-голубых можжевеловых ягод в огонь.

– Тогда о чём твои раздумья? – поинтересовался хан.

– Тем глазом, что зрит в подземном мире, я вижу: девочка эта не простая. Сила в ней какая-то таится.

Шаман говорил, а сам всматривался в образ Чалын, сотканный из дыма. Всё, о чём говорил человек-барсук, предстало перед ним так ясно, будто он видел это сам.

– Что ещё за сила? – возмутился Боджинг.

– Об этом я не ведаю, но и сама девочка о ней ещё не знает, – ответил шаман, поймав взгляд хана.

В отличие от простых шаманов, Казыр, слушая рассказчика, мог наблюдать за случившимся и одновременно зреть явь. При этом он пребывал в абсолютном спокойствии и не прилагал каких-либо усилий для того, чтобы заглянуть в прошлое. В этом было его преимущество.

Потирая руки над огнём, Учинчи Кулак, не смея вмешиваться в разговор двух тёмных личностей, молча посматривал то на Боджинга, то на Казыра. И только, когда хан кивнул в его сторону, продолжил свой рассказ. В мельчайших подробностях человек-барсук поведал обо всём увиденном и услышанном. Выслушав его, одноглазый шаман дал свой ответ:

– Проклятие слёзного цветка наложено. Ойгор-хан увядает.

От услышанных слов уголки губ Боджинга чуть подёрнулись, и на его лице мелькнула едва заметная зловещая улыбка.

– Теперь настало моё время! – крикнул он так громко и неистово, что ворон встрепнулся.

Глава 9. Побег из родного аила

День ото дня хану Ойгору становилось всё хуже и хуже. Он недомогал, отчего редко появлялся на людях и всё больше времени проводил в собственном аиле. Очень часто без особой причины его одолевала необъяснимая грусть, справиться с которой помогала только дочь. Почти всё своё время Чалын проводила с отцом, она ухаживала за ним и старалась любым способом поднять ему настроение.

– Адам, выпей, – протянув Ойгору чашу с жёлтым напитком, сказала Чалын.

Но хан не услышал её. О чём-то задумавшись, он сидел у стены на тюфяке, опираясь спиной на большие квадратные подушки, набитые птичьими перьями. Хотя в аиле было тепло, его вытянутые ноги укрывал дьюркан – одеяло, сшитое из овечьих шкур.

– Адам, выпей! – повторила девочка.

Ойгор вздрогнул и непонимающим взглядом окинул Чалын.

– Тебе это поможет.

– Да, да, – тихим усталым голосом ответил он, приняв в иссохшие руки серебряную чашу.

Отвар из корней приготовила Адаана. Она часто навещала хана Ойгора, приносила ему целебные настои из ягод, трав и плодов растений. Чудодейственные напитки придавали хану бодрости, но лишь на некоторое время, после чего он вновь впадал в уныние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.